

**УДЕРЖИ
МЕНЯ**

МАРИНА КРАМЕР

Марина Крамер

Удержи меня

«Марина Крамер»

2020

Крамер М.

Удержи меня / М. Крамер — «Марина Крамер», 2020

Маша и Артем – вполне благополучная на первый взгляд семья. Растет дочь, увлеченно занимающаяся бальными танцами, все хорошо на работе, но что-то не так. Маша не может понять, почему ее муж изменился: ведь у него нет никаких поводов... Однако все это – только на первый взгляд. Когда приходит беда, все меняется. Близкие становятся чужими, а те, которые казались врагами, раскрываются совершенно с другой стороны. И только Любовь все ставит на свои места.

Марина Крамер

Удержи меня

Маша.

Жизнь так быстро делится надвое, оказывается... Раз – и все, есть до и после. А между ними нет ничего, кроме пустоты и ужаса, сжимающего сердце ледяной рукой. Этот ужас не оставляет ни на секунду, заставляет просыпаться ночью, обливаясь холодным потом, это он давит все сильнее и сильнее, не давая отвлечься ни на секунду, постоянно напоминает – все, дорогая, теперь выбор невелик. Все, что было в жизни хорошего, остается там, в части «до», а после... Это еще надо посмотреть, какая она будет, часть жизни после.

И есть еще одно – постоянно долбящая в виски мысль – а почему я? За что мне? Что я сделала не так, чтобы теперь расплачиваться таким жестоким способом?

Хотя лично у меня на этот счет есть одна идея...

В тот момент, когда знакомый врач, собрав в кучу результаты обследований, нервно застучал пальцами по столу, не зная, как начать разговор со мной, я вдруг развеселилась и выдала:

– Паша, ну, что за хрень – груди почти нет, а рак есть! Разве так бывает?

Пашка решил, что у меня крыша поехала:

– Что ты мелешь? Какой рак?

– Ой, только без этого давай! Я ведь не бабуся с лавочки, я всю жизнь в больнице работаю, и прочитать диагноз на латыни уж как-нибудь! Ну, теперь что?

Доктор знал меня давно, лет десять, наверное, еще с ранней юности, поэтому крутить не стал, вздохнул и проговорил, глядя в листки с анализами:

– Да, Маша, ты все правильно прочитала... Но ведь можно с этим жить, можно сделать операцию и жить.

– Зачем?

– То есть... – растерялся Пашка. – У тебя же муж, дочь... ты ж институт решила закончить...

– А надо – теперь?

– Ты, идиотка! – заорал он, вскакивая. – Если бы я знал, что ты так будешь себя вести, ни за что не взялся бы заниматься тобой! Ирке спасибо скажи!

– Спасибо, – механически бросила я.

Ирка – моя приятельница и Пашкина любовница, мы знакомы несколько лет, и именно к ней я кинулась, обнаружив эту чертову шишку в груди.

– Тебе к психиатру нужно! – орал между тем Лаврушин, меряя шагами узкий, темноватый кабинет. – Понимаешь, дура набитая?! Начнешь лечиться пока, а там будет видно. Вот, возьми! – он порылся в ящике стола и протянул мне пузырек, набитый какими-то таблетками.

– Что это?

– Валерьянка! – отрезал он. – По две три раза, и голову ерундой не забивай! Завтра утром приезжай, начнем пока капельницы.

– Может, я у себя договорюсь, а то сюда через весь город? – почти механически спросила я, и Пашка согласно кивнул:

– Смотри, как тебе удобнее. У себя – так у себя.

Я вышла из здания диспансера на автопилоте, сжимая в руке пузырек с таблетками, дошла до остановки, с перепуга забыв даже номер нужного автобуса. Из глаз текли слезы, я их даже не вытирала уже – толку-то... Никто из стоявших на остановке людей не обращал на меня

внимания, все прекрасно знали, какое лечебное заведение находится здесь, а оттуда редко кто выходил с улыбкой.

Моих дома еще не было, дочь на тренировке, муж на работе, тишина... С трудом заставив себя приготовить ужин, я ушла в спальню и легла там, прихватив какую-то книжку, но читать все равно не смогла, просто лежала, уставившись в потолок. В голову лезла всякая чушь, отогнать которую сил не было. Примерно через час послышался звук открывающейся двери и детский голос:

– Мам, ты дома?

– Дома.

Надо бы встать и в коридор выйти, а желания никакого – увидев мои зареванные глаза, муж только разозлится опять, и снова вечер в гробовом молчании, недовольное лицо и вечный футбол по телевизору. Вся жизнь проходит на этом зеленом газоне в обществе двадцати двух мужиков, гоняющих мяч...

– Мам, ты чего в темноте-то лежишь? – восьмилетняя Юлька плюхнулась на кровать рядом со мной.

– Как тренировка? – машинально спросила я, поправляя сбившийся набок ее белокурый хвост.

– Нормально.

– Олег был?

– Был.

Олег – это Юлькин партнер по бальным танцам, и его нежелание порой идти на тренировку у нас в семье всегда вызывает бурю эмоций. Танцы – дело парное, и тренироваться одной неудобно и трудно, поэтому Юлька всегда очень сильно переживает и страдает, если вдруг партнер решил прогулять. Но сегодня, значит, все в порядке.

– Мамка, ты нас покормишь? – раздался из кухни голос мужа.

Вот так всегда – что ты, не можешь сам открыть стоящую на плите сковороду и заглянуть в холодильник? Или не знаешь, где в доме посуда? Нет, но дело в принципе – раз дома, дорогая жена, то оторви зад и подай мне, я ж работаю, а ты ни хрена не делаешь, только вечно прикидываешься больной.

– Артем, я плохо себя чувствую, поужинайте сами...

– Да ты когда себя хорошо-то чувствовала? – зайдя в спальню, чтобы переодеться, бросил муж. – Я такого не помню. Болееешь – иди в больницу.

– Я там была сегодня, – я почти прошептала это, чувствуя, что сейчас снова заплачу.

– Ну? – даже не глядя на меня, спросил Артем, натягивая шорты.

– Юля, иди к себе, – попросила я развесившую уши дочь, и та неохотно встала и побрела в свою комнату. – Что – ну? У меня рак, Артем.

– Что у тебя? – удивился он, словно не замечал, что в течение нескольких месяцев я езжу в больницу, хую катастрофически, выпадая из всех своих вещей, и постоянно плачу.

– Ты слышал.

– Ерунда это все, – безапелляционно заявил он, и его лицо скривилось в скептической усмешке. – Придумаешь себе вечно!

Вот так, словно не было на моей левой груди заклейки из пластыря, скрывавшей место биопсии, словно вены на руках не были в следах от уколов. Видимо, так проще – отогнать от себя неприятную мысль, и больше к этому не возвращаться, не замечать, не думать. Здоровый мужской подход.

– Так ты ужинать будешь с нами или нет? – перевел разговор в привычное русло муж, давая мне понять, что хватит, тема закрыта, больше обсуждать нечего.

– Нет.

– Ну, началось! Опять несчастная!

– Да уйди ты отсюда! – заорала я внезапно, сев на кровати. – Только и думаешь, что о жратве да о футболе, а на меня наплевать!

– Покрутилась бы с мое на работе, а не лежала бы воронкой кверху, я тогда посмотрел бы, о чем бы ты думала! – заорал он в ответ. – Привыкла – лежит и ножкой подрыгивает, королева, блин!

Мне стало обидно до слез – я совсем недавно уволилась с работы, чтобы иметь возможность побольше времени уделять Юльке и попытаться закончить институт, и, если вдруг укладывалась днем на диван, то только потому, что ноги иногда не держали, и слабость накатывала, клоня в сон. И это всегда раздражало Артема, хотя он сам-то, если не был на работе или не играл в чертов футбол, тоже регулярно находился в лежачем состоянии. Это называлось – папа много и тяжело работает, ему нужно отдыхать. Как будто все остальные не работают!

Он вообще в последнее время жил какой-то отдельной от нас с Юлькой жизнью, редко бывал дома, если бывал, то раздражался по пустякам, орал на дочь за любое не так сделанное движение, не там положенную ложку, не так написанную букву в тетради. Юлька от его крика тупела на глазах, сжималась в комок и делала еще хуже.

Я помочь ничем не могла – стоило мне открыть рот, как тут же начиналась вторая серия – какая я ленивая, какая грязь у меня дома (что было совершеннейшей неправдой), как он, Артем, вечно ходит голодный и холодный, уставший и переработавшийся. И как я только и знаю, что сосу из него деньги на Юлькины танцы да на походы по магазинам. Я уже давно по ним не хожу, по этим самым магазинам, просто потому, что денег нет, просить у него не хочу.

Словом, семейная жизнь в последнее время дала какую-то трещину, которая все углублялась с каждым днем.

Возможно, отчасти я была сама в этом виновата – в ту пору, когда мы с ним познакомились, он был довольно известным в городе футболистом, я смотрела на него во все глаза. Когда стали жить вместе, не выходила из кухни, встречая и провожая его на тренировки и сборы накрытым столом с перечнем блюд не менее четырех, и, по возможности, каждый раз разных. Я стирала его форму, выслушивала рассказы о матчах, смотрела футбол вместе с ним, не пропускала ни одной домашней игры его команды, даже когда появилась Юлька – брала ее с собой. Разумеется, к хорошему быстро привыкаешь.

Потом мы купили квартиру, и я, как раз выйдя из декрета на работу, делала там ремонт, наняв строителей, в то время, как мой Артем продолжал ездить в поездки и навещался только с инспекцией, чтобы в очередной раз довести меня до слез придирами – то тут не то, то тут не так, то выключатель не такой, то двери не те, то цвет стен не устраивает. Словом, то лето было сплошным кошмаром. Откуда мне, всю жизнь прожившей с родителями, знать такие подробности о ремонте? У меня был трехлетний ребенок и ночная работа – не меньше трех дежурств в неделю, я ждала выходного, как манны небесной, чтобы можно было упасть на диван, отправив Юльку к родителям, и спать столько, сколько влезет.

Никто ни разу не оценил моих трудов – Артем искренне считал, что работа у меня не особо тяжелая, подумаешь, медсестра в больнице скорой помощи, ерунда какая!

Когда Юльке исполнилось четыре, я отдала ее в школу бального танца. Больших способностей у нее не оказалось, но танцевала она с удовольствием, даже партнера ей дали, и это тоже повисло на мне. Первый год на тренировки ее водила мама, потом ее рабочий график стал таким, что она перестала успевать, и пришлось мне уговорить старшую медсестру не ставить мне дежурств по тем дням, когда нужно было вести Юльку на танцы. Плюс к этому, мы отдали ее в модный садик в центре города, остановок десять – двенадцать от дома, приходилось ездить за ней на автобусе, потом Артем купил машину, но мог только отвозить Юльку утром, а забирала уже я. Тогда еще четырехлетняя Юлька ковыляла своими ногами до остановки через три улицы, ни разу не попросившись на руки, а зимой, в теплой шубе и шапке, была похожа на

маленького косолапого медвежонка, перебирающего ножками рядом со мной. Я устала от этих ежедневных поездок, и через год мы перевели ее в садик рядом с домом, стало немного легче.

Зато добавилось других проблем – на тренировки приходилось возить еще и ее партнера, забирая его из другого детского сада. Этим тоже занималась я, моталась туда-сюда по пять раз на день. Забрать ее, забрать его, отвести на тренировку, дожидаться, когда закончат, развести снова по садикам, заскочить домой, схватить на ходу что-нибудь поесть, а чаще и ничего не схватить, и бежать на работу, благо, что больница рядом с домом – через дорогу буквально. Того, что я зарабатывала, хватало как раз на оплату Юлькиных тренеров и общих занятий.

Мало того – я восстановилась в институте, решив закончить его, но сил не хватало, да и желания тоже большого не было уже – всему свое время, видимо. Все мои бывшие однокурсники работали врачами, и среди них я не знала никого, кто был бы доволен своим выбором профессии. Но Артем настаивал – думаю, ему просто стыдно было сказать кому-то, что его жена работает медсестрой.

Эта попытка не увенчалась успехом, Юлька пошла в школу, я бросила работу (кстати, на этом настоял Артем – не особо ему нравились мои ночные отсутствия), но и институт тоже бросила, не смогла и не захотела напрягаться. Я погрузилась в Юлькину жизнь, но Артему всегда казалось, что только он один занимается ребенком, только он делает с ней уроки, возит ее на тренировки, вообще только он, а я лежу на диване.

К этому моменту играть в футбол профессионально он закончил, открыл вместе с приятелем строительную фирму, денег стало несравнимо меньше, чем раньше, но на жизнь хватало вполне, что уж жаловаться. Мы абсолютно нормально жили с ним до этой осени, да, бывали разные ситуации, но как без этого? Идеальных людей не бывает, я ведь тоже не подарок. Когда, в какой момент все пошло под откос? Даже не знаю...

Возможно, все началось тогда, когда я имела глупость связаться снова с Даниилом. Мы встречались с ним, еще учась в институте, потом разошлись, не сойдясь амбициями и характерами, и вот снова нас потянуло друг к другу, в больнице, во время дежурства на праздник.

Мы сидели со своими докторами в ординаторской, была нормальная компания, а дежурство первого января – это форменное издевательство, и поэтому к вечеру, закончив с делами, мы решили отметить Новый год как все люди. В разгар вечеринки позвонили хирурги и сказали, что сейчас придут в гости. Пришли. Данька, увидев меня, обрадовался – обычно я только здоровалась на лестнице или в коридоре и бежала дальше, не останавливаясь и не разговаривая, а тут уж никуда не денешься. Весь вечер он не сводил с меня глаз, почти не пил, не реагировал на подколки остальных докторов.

Пригласив танцевать, он, улучив момент, вытащил меня в соседнюю комнату ординаторской, где было темно, прижал к стене и зашептал:

– Машка, если б ты знала, какой я был дурак, что не женился на тебе! Все время думаю, ну, почему, зачем я так поступил? Ведь вместе нам было хорошо, помнишь?

– Даня, ты пьян.

– Ты же видела, я почти не пил. Машка, пойдем к нам, в хирургию, у меня есть ключи от дядькиного кабинета... – его родной дядя был заведующим хирургическим отделением, в котором Даниил работал. – Идем, Машенька...

Какая шлея попала мне под хвост в тот момент, до сих пор не понимаю, хотя уже третий год тянется эта волюнка. Но я пошла с ним, и мы провели обалденную ночь, уснули потом на диване, обнявшись.

С тех пор пошло... Мы встречались сначала только в больнице, но потом кто-то сказал Даниилу, что об этом начали разговаривать, а это не было нужно ни ему, ни мне, зачем? И мы перенесли наши встречи на нейтральную территорию – в квартиру его второго дяди, одинокого мужика, отсидевшего лет пятнадцать в общей сложности. Как говорил Данька, «в семье не без

урода». Зато Серега радостно встречал нас каждый раз, предоставляя в полное распоряжение комнату в своей квартире. Там мы и встречались.

Потом, когда я уволилась из больницы, все превратилось в проблему – ускользать из дома становилось все труднее. Оставалось одно – во время Юлькиных тренировок Данька подъезжал на машине, забирал меня и увозил к Сереге. Что думала по поводу его постоянных отлучек жена – оставалось загадкой.

– Не забивай себе голову этим, – говорил обычно Данька, прижимая меня к себе. – Я ведь не уйду из семьи, не бросаю ее – пусть будет довольна и этим. Ты не представляешь, как она мне все мозги проела – то денег мало, то работаю много, то ни праздников у нее, ни выходных, ни совместного отпуска! А как до постели доходит, вообще удавиться хочется – то голова у нее, то задница! Вот ты от мужа как отмазываешься?

– Никак, – улыбнулась я, упираясь подбородком в его грудь. – Это он в последнее время отмазывается.

Данька хохотал, целуя меня, а мне эти разговоры не нравились – не хотелось делать кому-то больно, будь то его жена или мой муж. В конце концов, только мы с Данькой виноваты в том, что сейчас происходит, зачем искать изъяны в других людях? Но, возможно, лично я не пошла бы на это, если бы Артем уделял мне немножко больше внимания, замечая, что я женщина, и даже довольно привлекательная. Но он не утруждал себя подобными проблемами, к сожалению, а меня, напротив, стало вдруг так сильно тянуть к нему, что я не могла даже мимо пройти, чтобы не коснуться рукой, не прижаться к нему, не поцеловать. Но все это его только раздражало, я уже видеть не могла, как он закрывает глаза и поджимает губы, едва только я ложусь рядом с ним на диван или пытаюсь обнять за талию, когда он курит в кухне.

Я не особенно верила в рассказы Даниила – у него всегда была завышенная самооценка, красивый мужик, привык, что бабы от него без ума, и возможно, что его жена не была такой, как он говорил, просто привыкли друг к другу, страсть поугасла немного. Но в одном Даниил прав – это не мое дело.

Мы редко выбирались куда-то просто потому, что большинство хозяев местных кафе и клубов отлично знали меня в лицо – муж-то в свое время был парнем известным. Кому нужны проблемы? Словом, «наша жизнь – простыня да кровать», так, кажется, у Есенина?

Сейчас мне вдруг жутко захотелось позвонить ему и пожаловаться, он был в курсе моих дел, именно он и обнаружил у меня эту опухоль – врач все же. И он настоял на том, чтобы я поехала в диспансер на обследование. Я оделась и вышла в коридор, присела, завязывая кроссовки.

– Ты куда? – удивился муж, уже занявший привычную позицию на диване.

– В ларек, хочу шоколадку.

– Мам, и мне! – закричала из комнаты Юлька.

– Пресс надо качать! – взвился Артем, оседлав любимого конька – спортивное воспитание.

– Перестань, что случится от одной шоколадки? – попробовала я, и напрасно, как обычно:

– Вот-вот, ты только так и рассуждаешь! А зубы начнут гнить, и так желтые все, скоро вываливаться станут!

– Да пошел ты, – пробормотала я, выходя из квартиры.

На улице было прохладно, сентябрь все-таки, конец месяца, я пожалела, что не прихватила шапку. Встав за угол дома, где дуло все же меньше, я набрала номер Даниила.

– Привет, это я. Можешь разговаривать?

– Да, я на работе. Как твои дела? – в его голосе послышалось беспокойство.

– Плохо, Даня... – я прикусила губу, стараясь не заплакать.

– Насколько?

– Насовсем...

- Так, Машка, ты где сейчас? – решительно спросил он. – Я приеду и заберу.
- Я на улице, в ларек пошла. Не надо меня забирать.
- Ты только не плачь, обещаешь? Это не смертельно, все можно решить. Тебе стадию сказали?
- Да. Пока единица.
- Машка, так это же совсем фигня – прооперируешься, даже воспоминаний не останется!
- Да, и груди тоже, и волос, – прорыдала я, уже не в состоянии сдерживаться.
- Ой, подумай! Нашла, за что переживать!
- Это тебе не за что переживать, а мне как жить потом? Как раздеваться, как в постель ложиться?
- Маша, ты же не ребенок, сама понимаешь – не это главное в человеке, – попробовал зайти с другого конца Даниил, но сделал только хуже:
- Ты еще скажи мне, что в человеке главное – душа! – взорвалась я. – Только что ж они, душевные и страшненькие, постоянно в старых девах остаются?
- Маша...
- Что – Маша?! Можно подумать, что тебе будет жутко приятно прикасаться ко мне, видя мое изуродованное тело!
- Господи, Машка, какая ты дура! Да мне все равно, как ты выглядишь, я разве потому с тобой, что мне только одно от тебя нужно? Мне с тобой хорошо, ты меня понимаешь и принимаешь таким, как есть, не пытаюсь переделывать и перекраивать, – успокаивающе проговорил Даниил. – Мне нужно, чтобы ты была со мной рядом, Машка.
- Прости меня... – мне стало стыдно – за что я накричала на него, в чем он-то виноват?
- Не извиняйся, я ведь все понимаю. Мы увидимся завтра?
- Да. Хочешь, я приду к тебе днем?
- Зачем спрашиваешь? Конечно, хочу. Целую тебя.
- И я тебя.
- Возвращаться домой не хотелось, не хотелось снова попадать в это помещение, наполненное недовольством и досадой, раздражением каким-то. Я купила в ларьке две шоколадки и побрела к подъезду. Дома потихоньку сунула Юльке половинку от одной «Аленки», та благодарно улыбнулась и тихо, как мышка, шмыгнула к себе в комнату с добычей в лапках. Мне стало жалко дочь до слез – с таких лет ребенок приучается делать что-то втайне от отца.
- Я налила себе чашку зеленого чая, села, вытянув ноги на стоящий рядом стул, и замерла в такой позе – часто теперь впадала в такое состояние, прислушиваясь к происходящему в моем организме, словно могла услышать, как растет внутри это нечто, так перекосившее жизнь.
- О чем задумалась? – спросил Артем, входя на кухню.
- Я вздрогнула от неожиданности и плеснула на ногу чаем.
- Аккуратнее! – поморщился муж, подавая мне полотенце. – Обожглась?
- Вроде нет, – я вытерла воду, Артем вдруг отнял у меня кружку и взял за руку:
- Маша, что происходит?
- Ты не знаешь, да? Или просто не хочешь знать? Тебе так удобнее, да, Артем? Списать все на бабью дурь и финты, не забивать свою голову моими проблемами?
- Перестань. И что, сделать совсем ничего нельзя?
- Можно, – усмехнулась я, смахивая слезы. – Можно, Артем – сначала операция, потом курс химии, потом волосы вылезут, потом все равно пойдут метастазы. Знаешь, какой срок жизни после подобных операций? Пять лет. Это если очень повезет. И эти пять лет превратятся в кошмар.
- Но ведь попробовать можно.
- Я не хочу пробовать. Сейчас Пашка предложил мне пролечиться новым препаратом амбулаторно, посмотреть, как пойдет, а к лету будет видно.

– Лечись, – равнодушно бросил муж, моментально потеряв интерес к разговору, и даже не спросил – а будет ли это лечение что-нибудь стоить, много ли лекарства надо, как долго продлится курс...

Наверное, это правильно – зачем ему знать это?

С лекарством проблем не возникло – Паша выписал его на какую-то бабульку, выдал мне пятнадцать коробочек. Договориться с процедурной сестрой в своем отделении тоже труда не составило, она никогда не отказывалась помочь.

– Приходи тогда к обеду, ладно, чтоб работы у меня поменьше было, – сказала она, и я кивнула. – Давай, до завтра.

Я спустилась в хирургию к Даниилу, вошла в ординаторскую – он сидел за столом один и что-то писал, нахмутив брови. Подняв голову, он в первый момент не разобрал, кто это, бросил недовольно:

– Вам кого?

– Тебя.

– Машка, прости – увлекся, не узнал, – он вышел из-за стола и обнял меня, целуя в губы. – Привет, родная, как себя чувствуешь?

– Ты как врач интересуешься?

– Нет, как любовник! – фыркнул он, потрепав меня по щеке. – Выглядишь нормально, только под глазами опять... Ты на ночь пьешь что-то?

– В смысле?

– Ну, пустырник хотя бы?

– Да зачем? – удивилась я, обняв его за шею.

– Потому что отдыхать надо, а у тебя явная бессонница, – он поцеловал меня в нос, поднял на руки. – Посидишь немного, я сейчас допишу историю, и пойдём? Чаю хочешь?

– Я сама, работай.

Даниил поставил меня на пол, чуть подтолкнув к дивану, а сам снова погрузился в писанину; я же налила себе чаю из большого термоса и села на диван, поджав ноги. Красивый он все-таки, такой красивый, что дыхание замирает, и сердце начинает биться чаще... И всегда за ним бегали девчонки, стадами носились еще в институте, да и сейчас отбоя нет от медсестер, сам ведь рассказывал – что только не выдумают, чтобы наедине остаться!

– Ну все, я закончил! – объявил Даниил, убирая в папку историю болезни. – Переоденусь только – и поедем. Тебе во сколько Юльку забирать?

– У нее сегодня две тренировки, я свободна до восьми.

– Заставляешь девку вкалывать, как за растрату! – покачал он головой и начал стягивать голубую больничную робу.

– Никто уже ее не заставляет давно, она сама туда несется. Ей интересно, все взрослые вокруг, она самая младшая, но никто этой разницы не видит – у них так принято, – я подошла к нему сзади и прижалась к голой спине лицом. – Данька, а ведь я люблю тебя, ты знаешь это?

– Ты говоришь это в первый раз за все три года, – заметил он, поворачиваясь ко мне лицом.

– Тебе так важно слышать это?

– Иногда очень хочется, – признался Даниил.

– Когда мне хотелось слышать это от тебя, ты тоже молчал, помнишь? Еще в институте, когда мы с тобой встречались, я так ждала, что ты скажешь мне это – я люблю тебя, Машка. Но ты был слишком занят собой, чтобы замечать мои желания.

– Отомстила? – улыбнулся он, чуть отстранив меня и беря рубашку.

– Нет. К Сереге поедем?

– Хочешь, можем просто по городу покататься? Давай в кофейню съездим, пирожных купим твоих любимых, со сгущенкой, хочешь?

– Хочу.

Он повез меня в кофейню на набережной, мы долго выбирали, что именно купить, остановились на торте из беже, белоснежном, похожем на облако.

– Не осилим! – засмеялась я, но Даниил уверенно сказал:

– До вечера-то? Легко!

– Ты толстеешь, между прочим! – заметила я, беря его под руку. – Скоро пузо над ремнем повиснет.

– Да, ты зато скоро исчезнешь. Ты вообще что-то ешь или только кефир свой пьешь?

– Аппетита нет совсем.

– А лечиться начнешь, что будешь делать? У этого препарата побочных эффектов куча, в том числе и анорексия, совсем ноги перестанешь таскать – запасов-то в организме никаких, – чуть повысил голос Даниил.

– Да ну тебя! – отмахнулась я. – Не воспитывай.

– Тебя бить пора, а не словесно убеждать. Ты ж не маленькая, Машка, должна ведь сообщать немного!

– Поругаемся! – предупредила я, и Даниил замолчал.

Приехав к Сереге, мы его не застали, видимо, утащился к своим дружкам в Николаевку, но ключи у Даньки были, поэтому ничего не сорвалось.

Меня всегда удивляли его рассказы о том, что жена отказывает ему – как можно добровольно отказаться вот от этого? От этих рук, которые знают, где, как и что погладить, от губ, прикосновение которых к коже заставляет каждый раз вздрагивать от наслаждения? Не понимаю...

...-Машка, проспишь! – шепотом сказал Данька, убирая волосы с моего лица и легонько целуя в лоб. – Устала?

– Сколько времени? – потягиваясь, спросила я.

– Половина восьмого, – целуя меня все настойчивее, пробормотал он. – Еще успеем...

– Дань, ты только представь – вместо груди будет только рубец, грубый и безобразный, – прикрыв глаза, произнесла я, поглаживая его по затылку.

– С чего ты это взяла? Сейчас можно сделать все аккуратно и красиво, даже с пластикой, если захочешь. Не думай об этом, все хорошо будет, уж мне-то поверь, я ведь хирург.

– Знаешь, Ирка, которая меня устроила в этот диспансер, раньше там работала, она онкоуролог. Так у нее самой была какая-то опухоль, ее оперировали и даже наркоз нормальный не дали, новокаиновую блокаду сделали – и привет. И это притом, что она сама врач, и работала там же, только этажом выше. А ты говоришь! Представь, какое отношение к обычным пациентам? Там ведь палаты на двенадцать человек, дышать нечем, и стены в такой цвет покрашены, что только умирать хорошо, а жить не хочется, на все это глядя, – я передернулась при воспоминании о тамошних интерьерах. – Такое впечатление, что все направлено на то, чтобы как можно меньше народу выздоравливало!

– Машка, ну, не накручивай ты себя! – взмолился Даниил, прижимая меня к себе. – Если будет надо, лежать будешь в отдельной палате, там и такие есть, мало совсем, но ведь есть же. Дядьке скажу – он выбьет. Речь ведь не о том – тебе надо просто понять, что операция – вещь неизбежная, но потом зато все будет хорошо.

– Даня, я понимаю это. Но ведь и то, что порог выживаемости – пять лет, я тоже знаю. У меня злокачественная опухоль, глупо думать, что она переродится – так не бывает. И оперироваться я не буду, даже не заводи больше этих разговоров. Сейчас прокапаюсь, там посмотрим. Все, пора мне – скоро Юлька закончит.

Я поднялась с кровати и стала одеваться. Разговоры о болезни начали напрягать меня, я злилась на себя и на Даньку, на Артема, на весь свет...

– Я увезу тебя сейчас, не торопись, – Даниил сел и потянулся за висящими на стуле рядом с кроватью джинсами.

– Не хватало, чтобы кто-то увидел!

– За углом от ДК выйдешь, никто и не увидит. Уже темно, как одна поедешь?

Юлька вылетела из зала вся в слезах, красная, с мокрыми волосами, прилипшими ко лбу:

– Мама, я не буду больше с ним танцевать! – ревела она, вцепившись мне в куртку.

– Ну, что опять? – присев перед ней на корточки и доставая платок, устало спросила я.

Подобные заявления Юлия Артемовна Смирнова делала примерно раз в две недели, в очередной раз не вынеся грубости партнера. Значит, придется опять беседовать с Олежкиными родителями, ничего не напишешь.

– Я не могу больше, он мне сегодня чуть руку не сломал! – продолжала плакать дочь, демонстрируя мне свежий синяк на запястье. – Видишь? Схватил и вывернул!

В это время мимо меня попытался проскользнуть виновник торжества, но я успела поймать его за куртку:

– Стоять! В чем дело?

– Здрасьте, тетя Маша, – пробормотал Олег, опустив глаза в пол.

– Так я слушаю тебя – в чем дело, почему у Юли на руке синяк?

– Я ее не трогал, – моментально открестился он, и тут Юлька, уперев руки в бока, заблуждала на весь холл:

– Да?! Не трогал?! А кто мне руку за спину завернул? Не ты? Кто меня обезьяной назвал при всех, тоже не ты? Пусть Наталья Альбертовна скажет, она видела!

– Так что – будем свидетелей собирать или сам все расскажешь? – знаком велев дочери замолчать, спросила я.

– Я ее за дело, – угрюмо пробурчал Олег, надуваясь, как воздушный шар. – Она шаги путает...

– И что – убить ее за это? А когда ты путаешь шаги, что ей с тобой делать? Вы никак не можете понять, что вы – пара, и если между вами нет понимания и согласия, то все бесполезно. Я объясняю вам это пятый год, меня уже просто тошнит от этих разговоров, – я отпустила рукав его куртки и выпрямилась. – Все, Олег, иди, скажи маме, чтобы позвонила мне вечером. Я могу надеяться на твое мужское слово?

– Да, – буркнул он и побежал вниз.

– Не скажет он тете Оле ни слова, ты ведь знаешь, – вздохнула Юлька, надевая красный беретик и застегивая куртку.

– Пусть. Лишний раз докажет, что не способен ответить за слова.

– А это важно?

– Разумеется, – беря ее за руку, ответила я. – Нужно уметь отвечать за слова и поступки. Если ты обещаешь что-то, то хоть умри, но сделай.

– А ты почему вчера плакала? – вдруг спросила дочь, подпрыгивая и заглядывая мне в глаза.

– Настроение плохое было.

– С папой поругались? – с чисто детской проницательностью догадалась Юлька. – Что он стал такой... орет все время...

– Кричит, – машинально поправила я. – Ты же не про подружку рассказываешь.

– Ладно – кричит, – безропотно согласилась дочь. – И на тебя тоже... а ты плачешь потом, я ведь слышу.

– Юлька, подслушивать неприлично, – внушительно сказала я, отметив про себя, что пора прекратить рыдать в ванной.

– Я больше не буду.

Артема еще не было, видимо, уехал играть, а я забыла, он обычно всегда предупреждал. Мы поужинали, проверили уроки, и Юлька пошла спать, она вообще с ног валилась после двойных тренировок. Я взяла вязание – начатый еще весной шарфик дочери, села в кресло, включив телевизор, и принялась перекидывать петли. Время близилось к десяти, а Артема все не было. Зазвонил телефон, и я решила, что это звонит Ольга, мать Олега, взяла трубку:

– Да!

– А можно Артема Владимировича? – спросил тонкий женский голос.

– Его нет, что передать?

– Ничего! – и в ухо мне ударили гудки отбоя.

У меня в голове словно разорвалась граната, все тело обмякло, руки затряслись, я едва смогла вставить трубку обратно в зарядное. Ничего себе! Бабы звонят прямо домой, не стесняясь, нормально, однако! Я опустила на стул, обхватив руками голову. Теперь мне ясно, что происходит... Значит, не только я, но и Артем тоже...

Как теперь быть? Я твердо знала только одно – выяснять отношения не стану, как бы тяжело мне не было.

В замке зашевелился ключ, пришел муж, бросил на пол пакет с формой:

– Спит? – кивнул он в сторону Юлькиной комнаты.

– Да. Ужинать будешь?

– Буду, весь день не ел.

Я накрыла на стол, налила чаю себе и села за стол. Артем был в душе, когда снова позвонила настырная дамочка. Я постучала в дверь и молча протянула ему трубку.

Из душа муж вышел с виноватыми глазами, сел за стол и пробормотал:

– Это не то, что ты подумала... это по работе...

– А я разве спросила, кто звонил? – спокойно отозвалась я, отпивая из кружки остывший чай.

– Нет, но ты ведь подумала.

– У меня, поверь, нет ни сил, ни желания думать о чем-то, мне своих проблем выше крыши.

– Как у Юльки в школе? – радостно сменил тему Артем, беря вилку и хлеб.

– Нормально.

– Это не ответ.

– Что ты хочешь услышать? Оценок нет, поведением она никогда не выделяется.

– А ты к учительнице ходила?

– Зачем?

– Тебе вечно наплевать на то, что у твоего ребенка в школе творится! – вспыхнул муж. – Лень оторвать свой зад и доехать до школы?

– Да объясни ты мне, зачем?! Ребенок нормально учится, да, не отличница, но знания-то у нее приличные! Пишет некрасиво, но посмотри на мой почерк и на свой – в кого ей обладать каллиграфией? И надо ли это? В конце концов, главное не оценки, а полученные знания, а с этим у нее все нормально.

– А я сказал тебе, что она должна учиться на одни пятерки! – взревел Артем, швыряя вилку. – И она будет!

– Не должна она тебе ничего! И оставь ее в покое!

– Ты заколебала меня, овца бестолковая! Сколько можно про одно и то же говорить?! В этой жизни нельзя без образования, а чтобы его получить, надо пятерки иметь в аттестате!

– Да?! А у тебя что – Оксфорд, не меньше? – взорвалась я – сам Артем окончил только ПТУ, но гонора было на МГИМО. – Отстань от ребенка, я тебе сказала! От твоих криков и придинок она домой идти не хочет, а ей всего восемь лет! Потом что делать будем?

– Да это ты виновата – ты только послушай, как ты с ней разговариваешь? Как с подружкой! На равных!

– Да, и поэтому все про нее знаю, в отличие от тебя!

– Вот и будет тебя же потом на три буквы посылать с твоим панибратством!

– А было бы лучше, если бы она и меня тоже боялась, как тебя?

– Да пошла ты! – муж вскочил и вылетел из кухни, шарахнув дверью спальни.

Я допила чай, выпила две таблетки валерьянки и пошла спать. Юркнув под одеяло, я отвернулась от мужа и тут же услышала:

– Все, отвернулась! Как только начинаем разговаривать, ты отворачиваешься и уходишь, отмалчиваешься!

– Я не хочу разговаривать в таком тоне.

– А ты ни в каком не хочешь! Легче отмолчаться! – Артем продолжал ссору, хотя видел, что я не настроена разговаривать.

– С тобой – да, легче. Ты ведь всегда прав, никаких компромиссов не признаешь, ты сказал – и все, хоть лоб разбей, не будет по-другому! Ты решил – и хоть тресни! Я устала от твоей непробиваемости, Артем, невозможно так жить.

– Высказалась? А с тобой можно жить? Ты мне завтрак хоть раз приготовила?

– Ты заметил, что все в жизни измеряешь едой? И все разговоры в нашей семье сводятся к жрачке? А если Юлька у матери, то мы вообще можем не общаться с тобой? – сев на постели, я повернулась к мужу и накинула на плечи одеяло. – Ты посмотри, как ты сам относишься ко мне? Ты хоть раз поинтересовался, как у меня дела? Тебе вообще это интересно – выживу я или нет? – я вытерла с глаз слезы, накатывавшиеся всякий раз, когда речь заходила о моей болезни. – Что ты будешь делать, если я умру, ты об этом думал?

– Ну, понесла! – отмахнулся Артем. – Будешь теперь со своей дурью носиться, нашла новую отмазку!

Я подхватила одеяло и подушку и пошла в гостиную, устроилась спать на диване. Мне было обидно от его слов, можно подумать, что я нарочно заболела, это ведь не грипп или что-то в том же роде! Не хватало только фразы про то, что я сама во всем виновата.

Утром мы не разговаривали, старательно игнорируя друг друга, притихшая Юлька наскоро доедала йогурт, чтобы не навлечь на свою голову родительский гнев.

– Все? – спросил, глядя на нее, Артем. – Поехали, опоздаешь.

Юлька пулей полетела в прихожую, начиная одеваться.

– Ты забираешь? – бросил муж.

– Я не могу – у меня капельница в час, потом еще тридцать минут лежать надо.

– Хорошо, я заберу. Ты готова, красотуля? – это относилось уже к дочери, и та быстро закивала головой в красном беретике. – Поехали.

Юлька чмокнула меня в щеку, поправила ранец на спине и вышла из квартиры вслед за отцом. Я понаблюдала за ними из окна кухни, помахала дочери рукой и принялась мыть посуду. До обеда я успела немного убраться в квартире, приготовить ужин, постирать кое-что. В половине первого начала собираться в больницу, чувствуя, как подрагивают пальцы, и никак не удается мне ровно провести по веку черную стрелку.

Но все прошло гладко – я сама зарядила капельницу, спрятав в карман пустой флакончик из-под лекарства, легла в персоналке, Светка быстро и незаметно вкололась в вену и вышла, сказав, чтобы сама перекрыла, как закончится. Я все прислушивалась к себе, пытаюсь определить, хуже мне или нет, но ощущений никаких не было, да и с чего бы? Убрав через полчаса иглу из вены, я попыталась встать и не смогла – закружилась голова и подкатила тошнота. Кое-как справившись с неприятным ощущением, я немного полежала на кушетке, потом унесла стойку в процедурный, попрощалась со Светкой до завтра и потихоньку пошла к выходу. В кармане запиликал мобильный, это оказался Даниил:

- Ты где?
- Домой иду, по лестнице спускаюсь.
- Стой на площадке, я сейчас! – велел он, отключаясь.

Я облокотилась на подоконник, но ждать не пришлось – Данька вылетел на площадку буквально тут же, схватил меня, вглядываясь в лицо:

- Тебе плохо, Машуня? Зеленая совсем... Тошнит?
- Да... – я ткнулась лбом ему в грудь и заплакала. – Дань, это теперь что, все время так будет? Меня надолго не хватит...

– Это пройдет сеансов через пять-семь, потерпи, – уговаривал он, целуя меня в макушку. – Ты ведь умница у меня, потерпи... Пойдем, я провожу тебя домой.

- Не надо, Дань, там сейчас Артем Юльку привезет из школы...
- Позвони, пусть тебя тоже заберет, вдруг не дойдешь?
- Не надо, дойду.
- Позвони мне вечером, я дежурю сегодня.
- Если получится.

Данька поцеловал меня, проводил до выхода из больницы и долго еще стоял на крыльце, пока я поднималась во двор. Я обернулась и помахала ему рукой, он тоже махнул в ответ, закрывая за собой дверь.

Дома никого не оказалось, я прилегла на диван, едва сбросив куртку и сапоги. Тошнило все сильнее, голова кружилась, перед глазами летели мелкие черные точки, постепенно сливавшиеся в одну большую кляксу. Почувствовав, что сейчас меня вывернет, я побежала в ванную, и это совпало с появлением мужа и дочери.

- Мама, ты что? – взвизгнула Юлька. – Папа, маме плохо!
- Твоей маме вечно плохо! – с досадой высказался Артем, обнаружив, что на столе пусто.

Я, держась за стену, вышла из ванной и побрела в кухню, понимая истинную причину его недовольства. Доставая из шкафа тарелки, не удержала одну и выронила на кафельный пол, разбив вдребезги. На звон стекла прибежал Артем:

– Иди отсюда! – он вытолкнул меня из кухни, берясь за веник и совок. – Сказала бы, что тебе плохо.

– Ты что, сам этого не видишь? – огрызнулась я, ложась на диван и накрываясь пледом – меня вдруг затрясло.

- Юля, иди за стол! – крикнул муж, убирая осколки.

Запах разогревающихся котлет вызвал у меня новый приступ тошноты.

Это продолжалось потом с завидной регулярностью – от мясного запаха хотелось на стену лезть, а готовить все равно приходилось. Плюс к этому у меня начали сильно выпадать волосы, просто клочьями лезли. Я не выдержала и сделала стрижку, выкрасившись попутно в черный цвет. Вернувшийся в обед с работы муж едва не упал на пороге, когда заметил меня на кухне с новой прической.

- И что ты с собой сделала? Кошмар какой-то, хоть сейчас на трассу!
- А мне нравится.
- Тебе вечно нравится то, что не нравится мне! Ты нарочно это делаешь?
- Артем, это мои волосы, и я так чувствую себя, понимаешь?
- Опять фокусы!

Он наскоро пообедал и поехал на работу, а я пошла на очередную экзекуцию в больницу, где меня не сразу узнали. Девчонки сбежались, разглядывая мою новую прическу:

- Ну, ты даешь, Смирнова! Так резко, из блондинки в брюнетку, без перехода!
- Захотелось, – улыбалась я, мечтая как можно скорее избавиться от толпы любопытных.

Пролечившись, я отлежалась и решила навестить Даньку, чтобы уж сразу все мнения выслушать и не растягивать удовольствие на несколько дней. Мы столкнулись в коридоре, и он замер, поймав меня за руку:

– Обалдеть! Машка, какая ты стала! – в его голосе было искреннее восхищение, он разглядывал меня со всех сторон. – Красиво!

– Правда?

– Как ты можешь спрашивать? Конечно! Ну-ка, пошли! – он потянул меня за собой в кабинет дяди, втолкнул в дверь и с порога заявил:

– Смотри, дядя Миша, какая у меня девочка красивая! Мечта просто!

Михаил Петрович сдвинул очки на кончик носа и оглядел меня:

– Здравствуй, Машенька! Действительно, красоточка, идет тебе такая стрижка, да и цвет необычный.

Чтобы не выглядеть молью с серой кожей, мне пришлось сделать полноценный макияж с тоном, подводкой и тушью, с яркой губной помадой. Получилось вполне неплохо, только непривычно.

– Как твое здоровье, Машенька? – спросил Михаил Петрович, бывший в курсе и наших с Данькой отношений, и моих проблем.

– Спасибо, не хуже. Я же лечусь сейчас, через месяц посмотрим.

– Все, Машуня, пошли отсюда, – Данька обнял меня за плечи и подтолкнул к выходу. – Поедем к Сереге, солнце мое? – спросил он шепотом, щекотно дыша в ухо. – Поедем, я соскучился по тебе и так тебя хочу, такую...

– Я не могу надолго, – вздохнула я, погладив его по щеке. – Сегодня мне Юльку забирать, у нее тренировка в четыре.

– Ну, хоть ненадолго, – согласился со вздохом Даниил.

По дороге он опять завел со мной выматывающий нервы разговор об операции. Я уже не знала, что хуже – упрямое молчание и равнодушие мужа или вот эта настойчивая забота любовника. И то, и другое одинаково причиняло страдания.

– Слушай, Машуля, а муж-то что сказал все-таки?

– Я не хочу говорить об этом, Даня.

– Уходи от него, – предложил вдруг Даниил, развернув меня к себе. – Нет, Машка, в самом деле – давай махнем рукой на всех, заберем детей и рванем отсюда куда-нибудь. С работой проблем не будет – я хирург, всегда устроюсь. Тебя вылечим, ребятишек в школу определим. Машка, ты только представь...

Я закрыла его рот рукой и покачала головой, давая понять, что он свихнулся. О чем вообще он говорил сейчас? Как я могу встать и уйти, а Юлька? При всех разногласиях она очень любит Артема, и я просто права не имею лишать ребенка общения с отцом. Да и Данькин Максим... Как он воспримет всю эту ситуацию? Нет, это глупый и бесполезный треп.

– Не надо, Даня...

Он замолчал, скрестив руки на руле и глядя куда-то вперед. Мне вдруг стало жарко, я расстегнула пальто, стянула с шеи длинный шарф, но ощущение духоты не проходило, и я приоткрыла немного окно.

– Что? – встрепнулся Даниил, глядя на меня с тревогой. – Плохо?

– Да... что-то душно...

Он включил кондиционер, направив на меня струю прохладного воздуха, озабоченно пощупал лоб, взяв за запястье, посчитал пульс.

– Ну что, доктор? Умру не сразу? – вяло пошутила я, и Данька вдруг разозлился:

– Прекрати шутить такими вещами! Неужели ты не понимаешь, что я просто не могу слышать этого? И прошу тебя, Маша, отнесись к моим словам серьезно, я ведь врач, поэтому

послушай меня, пожалуйста. Пока степень – единица, риск минимальный, Машка, ничего не будет, ну, может не быть, процентов на восемьдесят.

– Даня, с моим везением я попаду как раз в двадцать, – улыбнулась я, погладив его по лицу и заглядывая в глаза. – Давай прекратим этот разговор бесполезный, только мучаем друг друга.

– Машка, ты такая настырная, я раньше не замечал за тобой.

Взглянув на часы, я поняла, что уже никто и никуда не едет – времени осталось как раз, чтобы доехать до Юлькиной школы. Даниил молчал всю дорогу, я тоже не горела желанием общаться, только возле школьных ворот, остановив машину, Данька повернулся ко мне, взял за руки и тихо попросил:

– Маша, отнесись хоть немного посерьезнее, ну, не хочешь о нас со своим, так о Юлке подумай – с кем девчонка останется, если вдруг?

Я выдернула руки и выскочила из машины, едва сдерживаясь, чтобы не зареветь в голос – мысль о Юлке была самой невыносимой из всего, я постоянно думала о том, как же будет жить мой заяц, если со мной что-то случится. Я смотрела на нее, и сердце сжималось – да, есть бабушка, моя мама, но меня-то уже не будет. Я могу не дожить до ее выпускного вечера, не увидеть ее в бальном платье, взрослую, красивую. И кто будет возить ее на конкурсы, делать прически, чистить специальной щеткой ее туфельки, говорить ей, что она самая лучшая, и что наплевать, какое при этом место они заняли с Олегом?.. Спрятавшись за угол, я вынула платок и вытерла глаза, чтобы не вызывать у ребенка ненужных вопросов, она и так в последнее время постоянно приглядывается ко мне, прислушивается, пытаюсь понять, что же происходит в семье. О, вовремя – вот и Юлька, бежит навстречу, подпрыгивая и размахивая руками:

– Мамуся!

– Привет, заяц! – я поцеловала ее в нос, измазав помадой. – Как дела?

– Пятерку по математике получила, в дневник! – радостно сообщила дочь, довольная тем, что взбучки от отца сегодня, возможно, не последует, хотя не факт, не факт...

– Молодчина! Что – побежали, надо еще домой успеть, ты ж голодная? – беря ее за руку, я направилась к автобусной остановке.

– Нет, мне папа денег утром дал, я в столовке поела, – сообщила дочь, торопливо шагая рядом со мной.

– Дай, угадаю – сок и пицца?

– Нет, чай и пирожное! – честно созналась Юлька, которая не в силах была отказаться от выпечки и сдобы, и виновато посмотрела на меня.

– Юлька! – укоризненно покачала я головой. – Опять ведь тренер орать будет!

– Ну, мам, что теперь – вообще не есть? Я ж не каждый день...

– Ладно, побежали, автобус наш!

Мы галопом помчались к автобусу, заскочили в него, плюхнулись на сиденья, переводя дух. Меня опять затошнило, я сглотнула слюну, стараясь не поддаться противному ощущению, но перед глазами замелькали мушки. Подошедшая женщина-кондуктор обеспокоено спросила:

– Вам что, плохо?

– Нет, спасибо, все в порядке, – пробормотала я, протягивая ей деньги.

Юлька тоже с испугом смотрела на меня, прижавшись, как мышка, к моей руке:

– Мам, ты что такая зеленая стала? У тебя голова болит, да? – допытывалась она, заглядывая в глаза, и я согласно кивнула:

– Да, заяц, разболелась что-то.

– Может, я папе позвоню, пусть он меня увезет на тренировку? – предложила она, но я отрицательно покачала головой:

– Нет, Юляша, у него много работы, я отвезу тебя сама.

– У него вечно много работы, а если мало – то футбол! – заявила вдруг дочь, надув губы. – Его никогда дома не бывает!

Надо бы пресечь эти разговоры об отце, не должна Юлька так отзываться об Артеме, но, с другой стороны, она права, а за правду не наказывают. Артем в последнее время действительно редко бывал дома, возвращаясь с работы только к вечеру, а днем изредка заскакивал пообедать.

Раньше, когда он играл в футбол, его возвращения домой со сборов или выездных матчей всегда были праздниками, я старалась сделать все, чтобы они с Юлькой проводили вместе как можно больше времени, чтобы дочь знала, как выглядит отец, не только по многочисленным календарям и фотографиям. И Артем тоже компенсировал ей свое отсутствие походами в театры, в кино, в цирк или просто прогулками по центру города.

А теперь все изменилось, и Артем вел себя так, словно мы с Юлькой сделались вдруг непосильной ношей, которую он вынужден тащить, как порядочный человек. Я уже и не задумывалась на эту тему, а Юлька никак не могла понять причину такого поведения отца.

Однако сегодняшний вечер принес сюрприз – Артем приехал домой рано, и мы, вернувшись с тренировки, застали его дома и даже в хорошем настроении.

– Привет, – он сидел в кресле и просматривал какие-то бумаги. – Вы рано.

– И ты тоже дома, – заметила дочь, вешая в шкаф куртку. – Все построил?

– Все! – засмеялся Артем, делая вид, что, кроме Юльки, больше никого и нет. – Ну что, красотуля, как дела в школе?

Юлька принесла дневник и тетради, Артем придирчиво проинспектировал все, а потом объявил:

– Ну, раз все в порядке, собирай вещи. Мы с тобой летим в Турцию.

– Куда?! – опешила дочь, и он повторил:

– В Турцию. Я еду играть, а ты хоть море посмотришь.

– А мама? – вдруг опомнилась Юлька, подсакивая ко мне и опускаясь рядом на диван.

– А что мама? Дома будет.

От такой несправедливости Юлька расплакалась, обняв меня за шею и шепча на ухо:

– Я без тебя не поеду!

– Юля, успокойся. Я действительно не могу ехать, даже если бы папа хотел взять меня с собой, – поглаживая вздрагивающую от плача спину дочери, проговорила я. – Мне еще нужно лечиться, поэтому вы поедете вдвоем.

Оксана.

О том, что муж мне изменяет, я узнала не вчера и не сегодня. Сколько живем – столько и таскается, кобель. Стараюсь делать вид, что не замечаю, а как выкинешь из головы точашую мысль о том, что так же, как и меня, он обнимает и целует еще кого-то? И это постоянное вранье про дежурства, вызовы на работу, про подмены с приятелями... Надоело все, завязать бы глаза и свалить от него, но мне, к сожалению, некуда. У меня нет никого, кроме этого поганца Даниила и сына Максимки. Мать умерла, когда мне было семь лет, отец женился, появились два брата – и меня спихнули в деревню на попечение бабки. Мне только-только исполнилось восемнадцать, когда у старой «поехала крыша», и она на лыжах рванула по улице, и это в июле-то месяце... Синильное слабоумие, старческий маразм – или как там еще это у психиатров зовется? Словом, бабушку упекли в «психушку», а там она недолго протянула, полгода всего.

Я осталась совсем одна. Переехав в город, поступила в техникум, стала технологом-пищевиком и устроилась работать в большую кондитерскую фирму. Жила в общежитии, в одной комнате с тремя девочками. Соседки попались разбитные, любили погулять, пивка после работы, то-се... Меня это не привлекало, и приходилось иногда вечер напролет гулять по городу, разглядывая витрины и афиши кинотеатров.

Во время одной из таких прогулок я и встретила того, кого уже почти восемь лет называю мужем. Уж не знаю, чем я его взяла – обычная, таких много. Видимо, своей шикарнейшей косой почти до колен. Волосы мне от бабки достались – у нее косица была толщиной в руку, даже когда бабка совсем состарилась, прохожие удивленно вслед оборачивались.

Пожились мы тихо и скромно, да и какие могут быть пышные торжества, когда причина уже на нос лезет буквально? Через два месяца после свадьбы родился Максимка, и я погрузилась в его воспитание с головой. Ни на что сил не оставалось, Данька злился, все чаще исчезал из дома, пропадал где-то. Первое время я пыталась скандалить, качать права, потом устала. Пусть бегают, думала, потом все равно вернется. И только последние три года...

Он стал какой-то нервный, чуть что – в крик, в скандал, хлопал дверью и уезжал куда-то, не возвращаясь ночевать. Я от стыда перед свекром провалиться была готова, но тот делал вид, что не замечает. Данька возвращался, от него пахло какими-то странными духами – как сеном будто. Однажды, не удержавшись, я ехидно спросила:

– Что, к короле своей заезжал? – и тут же схлопотала по лицу, заплакав не столько от боли, сколько от удивления и обиды – прежде никогда он не поднимал на меня руку.

– И больше никогда не смей произносить этого слова! Вот так и запомни – никогда больше! – и ушел в спальню, хлопнув дверью.

Я проревела на кухне весь вечер, но Даньке и в голову не пришло заглянуть ко мне, успокоить, просто извиниться. Да и черт с ним. Одно меня мучило, распирало просто – из-за кого весь сыр-бор? Что это за дамочка такая, ради которой мой муженек готов мне глотку перервать? Наверняка, какая-нибудь бывшая пациентка или кто-нибудь из персонала. Ох, хоть бы увидеть, глазком одним взглянуть...

Умывшись, я пошла в спальню и там обнаружила, что муж лежит на раскладушке, накрывшись с головой одеялом, и делает вид, что крепко уснул. Ладно...

Утром мы не разговаривали. Торопливо проглотив чашку кофе и не став завтракать, муж укатил в свою больницу, а я, забросив по дороге сына в школу, пошла на работу. Подходя к остановке, заметила странную женщину – болезненно худая, в длинном черном пальто с капюшоном, надвинутым по самые брови, она старалась переждать порыв ветра, повернувшись спиной по направлению движения. Немудрено – такую унесет враз, это вам не я, не мои девчонки без малого!

Есть же счастливые бабы – едят, что хотят, и ничего не делается с ними, нигде ни жиринки, а тут... Стоит только позволить себе немного расслабиться и съесть кусочек торта или пирожное, как оно моментально вылезает где-нибудь на боках или на пятой точке. Я сижу на диете постоянно, тошнит уже от овсянки, кефира, риса и яблок, но что поделаешь, если такая конституция. А эта щепка в черном, наверное, смотрит на меня и думает: «Вот королица! Ела бы меньше, так и не носила бы пятьдесят второй размер в свои двадцать девять!».

Да и бог с ней, чего я прицепилась к этой девке? А все Данька – если бы не он и не его недовольное с утра лицо, так и не злилась бы я сейчас на весь свет. Надо брать себя в руки, а то на работе обязательно с кем-нибудь поругаюсь, и так у меня репутация скандалистки и склочницы, и даже кличка «Оксанка-чума». Это дома я толстая распустиха и, чуть что, в слезы, а на работе – ого! Даже начальница, старая гусыня, предпочитает меня не задевать.

В свой обеденный перерыв я решила прогуляться до рынка, купить продуктов и забросить домой, чтобы вечером не бродить по супермаркету. И надо же было мне пойти через школьный двор! У ворот стояла наша машина, а в ней – двое. Данька и какая-то баба. Совсем оборзел, родимый – среди бела дня свою телку к школе припер! И вообще – какого черта он здесь делает, когда должен быть на дежурстве?

Надо признать, что внутри у меня все сжалось, и коленки подогнулись, и противный холодок пробежал по спине... Что же делать теперь? Подойти и закатить скандал на всю улицу?

Вытащить эту сучку за космы из МОЕЙ машины? Что делать-то? Ой, мамочка... как же быть-то теперь?..

Я намертво прилипла к стене, боясь шевельнуться, выйти из своего укрытия. Пока я мучилась, прозвенел звонок, и из школы вывалила целая толпа детей разных возрастов, они галдели, бегали, шли группами и по одному, закрыв мне весь обзор, и я проследила момент, когда баба вышла из машины. От злости я треснуть была готова, упустив шанс встретиться с соперницей лицом к лицу. Ладно, значит, не судьба сегодня. Пойду домой, а то и перерыв скоро кончится, а мне ж еще обратно на работу.

Я пошла к воротам. Навстречу мне опять попала утренняя незнакомка – она шла прямо на меня и плакала, вытирая глаза платочком. Из-за моей спины вдруг вынырнула девчонка в красном пуховике и беретике, кинулась к женщине с криком: «Мамуся!». Женщина быстро спрятала платок в карман, улыбнулась как-то вымученно, натянуто: «Привет, заяц!». Дальше слушать я не стала, надвинула шапку и побежала домой.

Возвращаясь с работы вечером, я все строила планы, как бы наказать Даньку за его неверность и откровенную наглость, но все получилось совсем не так, как я напланировала. Едва увидев его, я вдруг вспыхнула и заорала с порога:

– Убирайся отсюда, на фиг! Слышишь?! Собирай свои шмотки и вали!

Опешивший муж даже не сразу сообразил, что происходит, почему я бегаю по квартире в сапогах и пальто, швыряя его одежду прямо на пол.

– Сдурела? – он попытался перехватить меня за руку, но я развернулась и ударила его по лицу, продолжая выкрикивать какие-то слова и проклятья. Тогда Данька, вспыхнув, побросал какие-то вещи в большую спортивную сумку, схватил со стола ключи от машины и мобильник и пулей вылетел из квартиры, хлопнув дверью так, что посыпалась штукатурка. Я же бессильно опустилась на пол и, обхватив руками взлохмаченную голову, завывала на всю квартиру, напугав сына.

– Мам, ты чего? – испуганно спрашивал Макс, пытаясь заглянуть мне в лицо, но я только мотала головой и продолжала подвывать. – А папа куда уехал?

– Нет у нас больше папы, сыно-ок! – взвыла я еще громче, обняв Макса и раскачиваясь с ним из стороны в сторону. Потом, сообразив, что незачем ломать ребенку психику, успокоилась, вытерла глаза и, шатаясь, побрела на кухню готовить ужин.

Свекор сегодня дежурил, а потому мы с Максимом не стали особо изощряться в разносолах, пожарили гренок, достали банку паштета и уплели все это, запивая горячим чаем. Потом я проверила у сына уроки, попеняв на безобразный почерк и страшную грязь в тетрадах, заставила его дважды повторить выученное стихотворение и только после этого разрешила посмотреть мультфильм про черепашек-ниндзя.

Пока ребенок, лежа на ковре в зале и уплетая чипсы, сопереживал рисованным персонажам, я все пыталась осмыслить, что же произошло. Ну да, я вспыхнула, и это, кстати, вполне оправданно в моей-то ситуации – а кто стал бы терпеть подобные выходки? Достаточно того, что я и так столько лет молчу и делаю вид, что не вижу, не слышу, не понимаю. Да хватит уже, лопнуло мое терпение! Пусть покрутится теперь, кобель, пошатается по друзьям с ночевками! Единственно, если мамзель его приютит, обогреет и спать уложит... И пусть он еще найдет такую дуру, как я! А я вот не пропаду, просто назло ему завтра в салон красоты загляну, прическу поменяю, да и вообще... Не сошелся свет клином на дорогом Данииле, вот так.

Но, с другой-то стороны... а кому нужна баба с ребенком, не имеющая ни своего жилья, ни бешеных денег? Да с такой комплекцией, как у меня?.. И как еще свекор отреагирует на мой демарш? Ведь я выставила его сына из его же собственной квартиры...

Свекор, на удивление, был нейтрален, как Швейцария в Вторую Мировую. Принял все к сведению и ничего не сказал, я так и не поняла – на чьей он стороне.

Так прошла неделя, Даниил не появлялся и не звонил, только заезжал пару раз в школу к Максиму, но домой так и не зашел. Я пыталась выудить из сына хоть что-то об отце, но Макс отказывался наотрез обсуждать со мной эту тему. Злость моя прошла, и я уже жалела, что не сдержалась, выступила так по-идиотски. Как теперь выйти из этой ситуации, я не знала...

Маша.

И вот они уехали. В квартире стало совсем пусто, а спать ночами и вовсе жутковато – я совершенно отвыкла быть дома одна. Юлька исправно присылала мне смс-ки, отчитываясь о прилете сначала в Москву, а затем и в Анталию. Артем не соизволил даже позвонить.

Волосы продолжали выпадать, пришлось подстричь их совсем коротко, и теперь я походила скорее на школьницу, чем на мать восьмилетней дочери. Данька огорошил меня, сообщив о своем уходе из дома, и я долго пыталась выяснить причину, но потом вдруг подумала, что мне и своего вполне хватает, зачем еще и чужим голову грузить? Помирятся, дело семейное. Но прошла неделя, а он по-прежнему жил у Сереги. Пару раз делал намеки на то, что, поскольку я сейчас одна, то он мог бы и у меня остаться, но я пропускала это мимо ушей. Все, что угодно, но не любовник на супружеской кровати – такая вот у меня странная логика. Нельзя притаскивать в семейное гнездо чужого человека.

Данька старался хоть как-то встряхнуть меня, водил в рестораны, просто погулять по городу вечером, я не отказывалась, но и удовольствия особого не получала. Состояние апатии, охватившее меня в день отъезда мужа и дочери, не проходило, я делала все как-то машинально, через силу, потому что надо. Надо встать утром, надо сварить себе кофе, надо что-то съесть на обед... Плюс к тому в руки попала абсолютно депрессивная книга, и ситуация в ней напомнила мою собственную, и даже слова мужа о постоянной симуляции там были. Как нарочно...

В пятницу мне позвонила Ирка, пригласила в гости, но я отказалась и, видимо, сделала это таким загробным голосом, что подруга сразу поняла – надо что-то делать. Она примчалась буквально через час, засунула меня под душ, заставила наложить макияж и сделать прическу, долго рылась в шкафу в поисках мало-мальски прилично сидящего платья. Я не сопротивлялась этому бурному натиску, похожему на сход лавины.

– Знаешь, дорогая, – критически прищурился глаза, Ирка оглядела меня с ног до головы, – ты это зря затеяла – хоронить себя заживо.

– Ирка, мне вообще ничего не хочется, – призналась я, – и потом... – но сказать ей про то, что Артем завел любовницу, не смогла, так же, как и про Даниила всегда молчала.

– Ой, все! – отмахнулась Ирка, поправляя складку на моем платье. – Хочется – не хочется... Маня, жить надо, понимаешь? Сама себя не будешь любить и жалеть, другие и подавно этого не сделают! Вот Артем твой – сел и поехал, еще хорошо, ребенка с собой взял, пусть девка отдохнет немного от школы да от танцев твоих. И вообще – Тема странный какой-то стал в последнее время, – вдруг объявила подруга, усаживаясь в мягкое кресло и беря со столика стакан с соком.

Я растерялась – неужели и со стороны уже видно, что в моей семье происходит разлад? Я всегда старалась защитить свое гнездо от посторонних глаз, не дать кому-то увидеть то, что не предназначено чужим. Мои проблемы с мужем я не обсуждала ни с кем, даже с мамой. И вот Ирка заметила-таки произошедшую в Артеме перемену.

– Да просто работы много навалилось, крутится целыми днями, как белка, устает... – промямлила я, пытаюсь, как обычно, защитить мужа от Иркиных нападков.

– Ага, – кивнула та, рассматривая идеальный маникюр, – бедненький Темочка, он так устает, что даже не замечает, что с его женой творится! Ты себя в зеркале-то видела, Маня? Ужас! Ведь была вполне нормальная баба, а сейчас?

Я никогда не задумывалась над тем, как выгляжу – ну, вот такая я странная, хожу не в том, что модно, а в том, что удобно, если есть возможность, стараюсь обходиться только губной

помадой, прическу всю жизнь носила только такую, чтобы меньше времени отнимала укладка. Возможно, я не права в этом, и нужно больше заниматься собой, но времени катастрофически не хватало, а теперь пропало и желание это делать. Зачем? Болезнь никого не красит, это понятно, но ведь и всеми ухищрениями я тоже вряд ли смогу стереть со своего лица ее печати. Ирка, наконец, осознала бесполезность бесед со мной на эту тему, горестно вздохнула и встала:

– Все, хватит! Надевай пальто, поехали.

– И куда ты меня тащишь? – без всякого, впрочем, интереса спросила я, послушно надев пальто и набросив на плечи поверх него платок.

– Интересная компания, – коротко бросила подруга, застегивая шикарный кожаный плащ.

Ох, не нужна мне компания твоя, пронеслось в моей голове, но выхода не было уже, мы спустились в лифте к Иркиной машине, припаркованной у подъезда. Выпал первый снег, в этом году на удивление рано, и весь двор оказался засыпан. Ирка, чертыхаясь, достала щетку и принялась сбрасывать снег с крыши машины.

– Ты смотри, пакость какая! – бурчала она, энергично работая щеткой. – Еще только середина октября, а уже столько навалило! И ведь растает непременно! Одна грязь останется...

Я почти не слушала, о чем разглагольствует подруга, думала о том, чем же сейчас занимается мой заяц на берегу Черного моря. Интересно, научится ли она плавать, как следует? Воды Юлька не боялась с детства, а плавать научить мы ее так и не могли – у Артема не хватало терпения, а я сама неуютно чувствовала себя в воде, никогда не заплывая глубже, чем на высоту своего роста. Дочь же смело летела в любой водоем, нацепив нарукавники, и барахталась до тех пор, пока не синели губы.

– Ты долго еще будешь столбом стоять? – донесся до меня раздраженный голос Ирки. – Поехали!

Компания оказалась, и впрямь, интересная – Ирка недавно увлеклась дизайном интерьеров, решив всерьез отрешиться от медицины, где за копейки приходилось вкалывать сутками, не получая даже морального удовлетворения от своей работы. И теперь круг ее знакомых ошутимо пополнился людьми, занимающимися именно этой деятельностью, и многие из них добились уже вполне определенных результатов.

Молоденькая девушка, представившаяся Наташей, оформляла интерьеры почти всех новых модных ресторанов. Аркадий, высокий, вальяжный, полноватый мужчина лет тридцати пяти, доводил до логического завершения внутреннее убранство концертного зала, открывавшегося через месяц. Никто из них не кичился своими достижениями, не делал вид, что круче него только горы Кордильеры, все очень просто и мило общались. Я почувствовала себя не в своей тарелке только один раз, когда кто-то спросил меня, чем занимаюсь.

– Ничем, – я пожала плечами и покраснела. – Вообще-то я медсестра, но сейчас не работаю...

Наверное, впервые в жизни мне стало стыдно за себя – ну, в самом деле, кто я такая? Жена, мать, домохозяйка? И все. Все мои достижения – это любимый ребенок, увлеченный своими танцами, и вот ее интересами я и живу в последнее время. Скоро говорить нормально разучусь. Может, Ирка права – что сидеть и ждать неизвестно чего? Так и с ума сойти недолго. Нет, пора менять что-то в жизни, хватит скрываться в своей квартире, как в ракушке, пряча голову при появлении рядом постороннего.

От принятого решения у меня даже плечи, кажется, распрямились, и голова задралась вверх. Точно, завтра же начну искать работу, хватит выслушивать претензии мужа по поводу денег. Не знаю, то ли это выпитый бокал вина так подействовал на меня, то ли на самом деле я созрела поменять что-то в жизни, но, утянув Ирку в сторону, я спросила:

– Ириш, а Катька Сорвина клинику свою не прикрыла еще?

Катюша была нашей одноклассницей и оказалась самой удачливой из всех. Выскочив замуж сразу после окончания института, она уговорила новоиспеченного супруга помочь ей открыть частную клинику пластической хирургии. Естественно, оперировать сама Катюша не собиралась, да и по специальности она была не хирург, а врач-дерматолог. Но найти нескольких приличных специалистов в области пластической хирургии она сумела без труда. Буквально через полтора года клиника заработала репутацию надежного и высокопрофессионального заведения, в котором работают только лучшие специалисты.

Вот туда-то я и нацелилась – как-никак, я медсестра с первой категорией, немного поработаю, а там, глядишь, на высшую сдам, и опыт работы у меня тоже вполне приличный. Ирка пообещала позвонить Катерине прямо с утра, а сегодня обеспечила мне провожатого – Аркадия. Меня не очень обрадовала перспектива ехать домой с малознакомым человеком, да еще на его машине, но Ирка настояла, и мне пришлось подчиниться. Всю дорогу Аркадий не умолкал, расписывая мне интерьеры будущего концертного зала, у меня даже голова закружилась. И почему-то возникла острая ненависть к этому недостроенному пока зданию. С облегчением выйдя из машины возле своего подъезда, я уже захлопнула было дверку, когда Аркадий удивленно протянул:

– Что, даже на чай не пригласите?

Ну, этого еще не хватало! Я улыбнулась и, сославшись на усталость и головную боль, откланялась, оставив неудачливого любителя чайной церемонии в полном недоумении. Переведя дух, я нажала кнопку вызова лифта и, когда он открылся, с удивлением обнаружила прямо перед собой Даниила.

– Ну, и где это мы гуляем так поздно? – весело спросил он, втягивая меня в кабину и целуя в нос. – Хорошо выглядишь, кстати!

– Спасибо. А ты ко мне?

– Нет, к твоей соседке! – фыркнул он. – Ты мне сегодня не позвонила ни разу, я же беспокоюсь. Ты совсем одна, мало ли...

От его тона защемило в носу и захотелось заплакать. Ну, почему Артем не может ТАК спросить у меня, что происходит? А Данька, меж тем, продолжал, забирая у меня ключи от квартиры и вставляя их в замок:

– Где была-то? Гуляла? Молодчина, нечего дома сидеть постоянно, погода пока не совсем испортилась, вот и дыши воздухом.

Не переставая говорить, он отомкнул дверь и подтолкнул меня в коридор, включил свет. Я подчинялась, не вполне понимая, что последует за этим. У нас было четко оговорено, что ночевать у меня он не остается, более того – вообще ничего в моем доме не происходит, я этого не хочу и настаиваю на своем решении. Даниил словно услышал мой внутренний монолог:

– Не волнуйся, Машуля, я уйду через часик. Просто очень захотел увидеть тебя, – помогая мне снять пальто, он прижался губами к моей шее, открытой короткой стрижкой. – Машка... я соскучился по тебе.

– Не надо, Даня, – попыталась я освободиться от его объятий, но он не дал:

– Прекрати, я ничего не собираюсь... Просто поцелую тебя...

Идиллию прервал резкий звон телефона, я дернулась на звук, поскользнувшись на ламинате и едва не упав. Схватив трубку, я услышала голос мужа:

– Привет. Поздновато гуляешь.

– Привет... – мое сердце заколотилось – вдруг что-то с Юлькой?

– Как ты? – продолжал Артем абсолютно будничным тоном, словно не находился сейчас за тридевять земель.

– Нормально. Как у вас дела?

– Не увливай, Марья – как здоровье? – и это было странно и непонятно, не вязалось с нашим расставанием. – Ты лечишься еще?

– Завтра последняя капельница.

– А потом?

– Потом нужно сделать перерыв и через полгода повторить анализы. Но для этого придется лечь в стационар.

– Значит, нужно будет лечь, – решительно заявил Артем, удивив меня. – Это ведь серьезное дело, да?

Я не понимала вообще ничего – с мужем происходило что-то необъяснимое, он вдруг стал интересоваться моим здоровьем, даже в голосе какие-то странные нотки звучат.

– Мне бы надо поговорить с тобой, но по телефону не хочу, – продолжал удивлять меня муж. – Нам многое нужно обсудить.

Да-а... «все страньше и страньше», как говорит любимая Юлькина книжная героиня Алиса. Что-то не то с моим Артемом, уж не перегрелся ли?

Он, кажется, и сам удивился своим словам, смутился как-то и стал прощаться, пообещав, что Юлька позвонит мне завтра утром. Положив трубку, я расплакалась. Данька молча обнял меня за плечи, прижал к себе. Я старалась успокоиться, но не удавалось, слезы текли сами. Данька заглянул мне в глаза, подняв голову:

– Ну, что ты? Расстроилась?

– Нет...

– Ну, хочешь, я сейчас уйду?

– Нет... Я боюсь одна оставаться, – я вцепилась в рукав его свитера, и Данька успокаивающе погладил меня по голове:

– Все-все, я не уйду, пойдем...

Он увел меня в ванную, заставил умыться, потом утащил в зал, усадил в кресло и укутал лежавшим там покрывалом. Сам же отправился в кухню, поставил чайник.

– Машка, а я ведь совсем не помню, как ваша квартира выглядела до ремонта. Помнишь, как я к тебе приезжал, когда в институте учились?

Я кивнула, чего, естественно, Даниил видеть не мог, наливая чай. Мы не очень часто встречались в пору учебы, предпочитали не афишировать отношения, причем именно я настаивала на этом, не знаю, почему.

Данька вернулся с чашкой в руке, протянул мне и сел в кресло напротив.

– Что муж сказал?

– Тебе зачем? – вдруг с какой-то неприязнью спросила я, и Даниил удивленно вздернул брови:

– Спросить нельзя?

– Нельзя.

Повисло молчание, долгое и напряженное, в воздухе просто физически ощущалось отчуждение, возникшее вдруг между нами. Мне захотелось, чтобы он встал и ушел, оставил меня одну, дал возможность подумать и разобраться. Подняв глаза, я посмотрела на Даниила, и он встал, не оборачиваясь, вышел в коридор, накинул куртку. Входная дверь хлопнула, послышался звук вызванного лифта, но потом и это стихло. Я осталась одна в полутемной квартире, держа в руке чашку с чаем, который так и не смогла выпить.

Даниил.

Черт бы побрал всех этих баб! Это же надо – за две недели вторая меня выставила! Стареешь, Даниил Владимирович, форму теряешь. Ну, я еще понимаю – Оксанка, неспроста она взъелась, видимо, услышала что-то. Или увидела. Но Машка-то! Господи, ни одну из всех своих женщин я не любил так, как эту, никогда у меня не было такой длительной связи. Три года – это ж целая жизнь. Я не могу представить себе, что ее не будет рядом, что я не услышу ее голос в телефонной трубке, не увижу ее худенькую фигурку в дверях моего кабинета. Машка-

Машка, что ж мы натворили с тобой, идиоты? Ты натворила, если уж откровенно говорить. За каким чертом тебя понесло замуж за этого Артема, я до сих пор не могу понять. Любовь? Ага! А я тогда кто? Деньги? Я тебя хорошо знаю, ты не это в людях ценишь, никогда не была меркантильной и расчетливой. Да я и сам хорош, если честно... Слабое место – бабы, это у нас семейное, и папа такой, и дядьки, и даже дед. Тот вообще в семьдесят женился на двадцативосьмилетней молодке, отец мой чуть с инфарктом не свалился, когда узнал. И ведь живут до сих пор! Так что есть мне, на кого кивать.

Понятное дело, не каждая женщина согласится терпеть это так, как Оксанка. Но ей просто смысла нет рыпаться – куда она пойдет? Где были мои глаза, когда я на ней женился? Совсем другие мне нравились, абсолютно не такие. А тут – как затмение нашло, увидел на улице рослую, крупную деваху с косой ниже пояса и запал. Первое время все вроде бы шло нормально, но потом... Потом она стала раздражать меня своим нытьем, постоянным недовольством, своим избыточным весом. Наверное, кому-то Оксанка моя и нравилась, а что – видная баба, мечта Кустодиева, таких на картинах обычно в бане рисуют, чтоб с веником березовым, распаренная, розовая. Но я-то сам других люблю, таких, как Машка моя, чтобы хотелось защитить, обнять, закрыть собой от неприятностей. А Оксанка сама кого хочешь закроет. И характер...

И почему на таких, как Машка, вечно все валится? Все тридцать три несчастья... Когда я узнал про ее диагноз, спать не мог, есть не мог – как представлю, через что ей придется пройти и чем это может кончиться... Я хирург, как-никак, все понимаю. И она понимает, вот еще в чем проблема-то. Понимает, и потому категорически настроилась не лечь под нож. И не уговорить мне ее ни за что, я-то знаю.

И еще этот ее придурок Артем, нервотреп поганый. Только и понукает, только и недоволен всем, так и ищет, к чему прицепиться. Я его в школе часто вижу, когда Макса забираю. С виду приятный мужик, не подумаешь даже, разве что уголки губ всегда опущены, да на лице постоянная тень недовольства. А девчонка его боится, это сразу заметно – только отца увидит, голову в плечи вбирает, глаза в пол – и бредет к нему обреченно, как на каторгу. Не понимаю, почему Машка позволяет ему так относиться и к себе, и к дочери.

А девчонка у них – загляденье. Машка до сих пор не знает, что я частенько ездил на все эти их конкурсы по бальным танцам. Сначала чтобы просто Машку увидеть, а потом увлекся, да и Юлька молодчина, хорошо танцует. Я даже Макса хотел в танцы отдать, да тот ни в какую – карате, мол, и все. Ну, пусть хоть так. А то Оксанка распустила совсем – целыми днями у телевизора, уроки кое-как, лишь бы отстали.

Я и не заметил, задумавшись, что пошел снег, а я по-прежнему стою под Машкиными окнами и не могу определиться, куда идти ночевать. И решение вдруг пришло само собой – как куда? Я что, бомж бездомный? У меня квартира есть, туда и пойду. Надвинув шапку поглубже и стараясь воротником защитить лицо от снега, я зашагал к автобусной остановке.

Картина, открывшаяся моему взору дома, не порадовала. Оксанка, с новой прической, которая удивительно ее старила и только подчеркивала круглое, как по циркулю, лицо, стояла босиком, зато в новом платье. И запах... такие знакомые духи, даже внутри все защемило... Машкины, точно – «Исси Мияки», муж ей всегда из-за границы такие возит, у нас подделки сплошные.

– Собираешься куда-то? – поинтересовался я вместо приветствия.

Оксанка открыла рот, не ожидала, что я вдруг заявлюсь домой и начну еще вопросы задавать. Я же спокойно снял мокрую от снега куртку, стряхнул шапку, и тут из комнаты вылетел сын, повис на моей шее с радостным воплем.

– Здоров, сын! – я подхватил его под мышку и пошел на кухню. – В этом доме поесть дают?

Судя по Оксанкиному лицу, единственное, чего бы мне с удовольствием дали сейчас, это пара затрещин, но при ребенке она не посмела. Засуетилась, накрывая на стол, но при этом ни слова не произнесла, словно язык проглотила.

– Надеюсь, мышьяка ты туда не подсыпала? – я взял вилку и чуть ковырнул плов в тарелке.

– Н-нет, – смутилась жена. – Мы тебя не ждали...

– А, если б ждали – подмешала бы! – понимающе кивнул я, расправляясь с любимым блюдом быстро и с аппетитом. Оксанка покраснела, но ничего не сказала, села напротив, подперев кулаком коротко стриженную голову. – Ты зачем прическу испортила? Не идет тебе стрижка, сама не видишь?

Она расстроено кивнула, в глазах блеснули слезы, и мне вдруг стало ее жалко – сидит такая несчастная, тушь поплыла, прическа отвратительная, и платье тоже не для ее комплекции, и духи эти. Машке этот запах подходил идеально, я обожал вдыхать тонкий аромат, отдающий клевером и сеном, исходивший от ее волос и кожи. Оксанка же напомнила про покос и деревню. Этакая доярка Нюра на сеновале. Дуреха, можно подумать, что запахом она меня может привязать! Это Машкин запах, только об этом я и буду помнить, неужели непонятно?

Оксана.

– ...ну, что вы, женщина! Это совсем не ваш аромат, вам нужно что-то более тягучее! – убеждала меня крашенная вобла в парфюмерном магазине.

Терпеть не могу этих псевдоконсультантов – откуда ей знать, что мне идет, а что нет? Я этот аромат искала давно, с тех самых пор, когда унюхала его от Данькиной рубахи, и теперь эта мымра мне рассказывать будет!

– Я беру! – решительно пресекла я поток ее соображений об ароматах и направилась к кассе.

Ого, ну и цена, однако... Почти три тысячи рублей... Но отступать уже поздно, я все равно куплю эти чертовы духи, даже если мне придется голодать всю неделю, оставшуюся до полочки. С моим весом это не проблема...

Сжимая в руках вожделенный пакетик с красивым логотипом, я вышла из магазина и, повинувшись какому-то внезапному порыву, зашла в парикмахерскую, оставив там свою косу и еще энную сумму. Парикмахерша долго убеждала меня не стричь волосы, но я была непреклонна, и пожилая женщина с тяжелым вздохом принялась за работу. Стрижка вышла неплохая или мне, окрыленной вдруг переменами, просто так показалось.

Максим на мой новый имидж почти не отреагировал, хмыкнул что-то и ушел в комнату, а я достала из шкафа новое платье, которое еще ни разу не надевала, облачилась в него и стала крутиться перед зеркалом. И в этот момент в замке повернулся ключ, и на пороге возник Даниил с таким лицом, словно не произошло ничего. Вроде как с работы вернулся. Вернулся...

Как ни в чем не бывало, он разделся, сунул ноги в тапки и пошел на кухню, спросив про ужин. Я растерялась, не могла никак найти нужную нить поведения, не знала, как себя вести. Накрыв на стол и проглотив его шутку про мышьяк, я села напротив и уставилась в лицо. Надо же, ни тени смущения, ни намека на раскаяние... Я бы глаза не поднимала, а он – хоть бы что! Наглец.

– Ну, давай поговорим, – отставив тарелку, предложил муж.

– О чем?

– О том, как жить будем дальше. Оксана, я понимаю, – он взял меня за руку, и я вздрогнула, – я виноват перед тобой... Ты вправе обижаться, вправе обвинять... Оксанка, я тебя об одном только прошу... не заводи больше разговоров об этом, ладно?

– О чем? – совсем уж глупо переспросила я, и Данька, вздохнув, ответил:

– О том, что у меня есть женщина. Да, Оксана, есть, и я тебе больше скажу – я никогда ее не брошу, просто потому, что она пропадет без меня...

– А я?! – вдруг выкрикнула я сорвавшимся, жалким голосом. – Я-то как же? Как мне жить, зная, что у тебя есть еще кто-то? Почему я должна терпеливо сносить это все, а? Неужели ты не понимаешь, что сейчас просто растоптал меня? Как мне жить с этим? Ты сидишь и заявляешь, что не бросишь эту бабу!

– Она не баба! – отрезал Данька, вставая. – Если бы ты знала, как она живет, то заткнулась бы!

– Да?! А как живу я?! Пусть она об этом подумает! Нельзя строить свое счастье на руинах чужого! – завизжала я, срываясь в истерику.

– Все, замолчи! – он обхватил меня и потащил в ванную, там засунул под душ и включил воду. Это отрезвило, я осела в ванне и заплакала навзрыд, мокрая и растрепанная, новая прическа пришла в полный беспорядок, остатки косметики потекли по лицу. Данька вытащил меня, стянул мокрое платье, закутал в полотенце и повел в комнату. – Ну, хватит, Ксюша... не плачь.

Он давно не называл меня этим именем, и это тоже не добавило мне спокойствия, я продолжала реветь над своей разбитой вдребезги жизнью. Как я должна реагировать на его заявление о том, что он не бросит свою любовницу? Посмеяться и предложить образовать шведскую семью?

– Даня... давай разведемся, – жалко попросила я, размазывая по лицу слезы.

Он посмотрел на меня так, словно я попросила о чем-то неприличном.

– С ума сошла? А Максим? И потом, я не собираюсь уходить от тебя. Но и Машку не брошу, просто не могу.

Ага, Машка, значит... понятно. Очень редкое имя.

Ночевать он остался дома, не уехал. Утром сам проводил Максима в школу, а меня предложил довести на работу, но я отказалась – взяла выходной, нужно было собраться с мыслями, привести все к какому-то общему знаменателю, а на работе, естественно, этого не сделаешь.

Прокрутившись по дому до обеда, я пошла в аптеку, вспомнив, что у меня закончился чай для похудения, который я пила постоянно. Медленно обходя витрины, я вдруг зацепилась взглядом за что-то знакомое. Вернее – за кого-то. Это опять была женщина в длинном пальто с капюшоном, та самая, что попалась мне дважды в тот день, когда я выгнала Даниила из дома. Сейчас у меня появилась возможность рассмотреть ее как следует – капюшона на ней не было, и лицо больше ничто не скрывало. Под глазами – огромные черные тени, нос заострившийся, губы чуть тронуты помадой кирпичного цвета, и это выглядит гротеском каким-то, контрастируя с нереально бледной кожей. Волосы выкрашены в черный цвет, коротко острижены, открывают длинную шею и маленькие уши с небольшими серьгами из черных агатов. Рука, потянувшаяся к окошечку и взявшая висящий на пружинке карандаш, маленькая, такая тонкая, что, кажется, вот-вот сломается. Мне на ум сразу пришло сравнение – Эльвира, Повелительница Тьмы. Это фильм такой американский, про ведьму. Если бы этой дамочке отрастить волосы подлиннее, набрать несколько килограммов и сделать силиконовый бюст пятого номера, то она запросто могла бы дублировать актрису, сыгравшую ведьму в кино. И дело не в том, что она некрасива, напротив – очень даже миловидная, просто общий вид такой... странный.

Женщина, тем временем, спрашивала у аптекарши:

– ...и долго его ждать?

– Если сейчас заказ сделаете, через три месяца привезут. Митоксантрон редко спрашивают, у него цена высокая, – равнодушно ответила девушка. – Будете заказывать?

– А есть выбор? – вздохнула «Эльвира». – И быстрее – никак?

– Никак.

– Хорошо, пишите, – сдалась моя незнакомка, протягивая девушке листочек со своими данными.

– Мы вам перезвоним сразу, как только лекарство придет, – пообещала аптекарша, убирая бумажку в толстую тетрадь.

«Эльвира» накинула на голову капюшон и так обреченно двинулась к двери, что у меня сжалось сердце. «Видимо, чем-то серьезным болеет», – подумала я и протянула в окошечко пятисотрублевую купюру:

– «Грაციю», пожалуйста, две упаковки.

Аптекарша оглядела меня и слегка улыбнулась, мол, дура ты, дура, жрать меньше надо, а не чайком себя уговаривать, но меня это даже не задело – я не в первый раз такое вижу и слышу. Просто поразительно, как могут работать в аптеках люди, абсолютно не испытывающие сочувствия к больным. Ведь не от хорошей жизни сюда народ заходит, это ж не продуктовый магазин и не кафе. Ой, ну, чего я взъелась сегодня?

Спрятав две яркие коробочки в сумку, я направилась в школу – как раз через десять минут у Макса уроки закончатся, вместе домой пойдем.

Сын бежал мне навстречу, размахивая ранцем и сменкой:

– Ма-а-а! Я пятерку получил за стихи!

– Молодец. Только, если не путаю, ты на прошлой неделе должен был их рассказывать, – подозрительно проговорила я, и Макс потупил глаза, сразу останавливаясь. – Та-ак, все ясно – значит, на той неделе двойку получил, а дневник спрятал?

Сын понуро кивнул, ковыряя носком ботинка ямку в снегу. Это превращалось в тенденцию – получив двойку, Максим прятал дневник за батарею в подъезде, а потом, исправив оценку, нес его на подпись деду, чтобы избежать родительского гнева.

– Максим! – внушительно сказала я, подняв его голову за подбородок и глядя в глаза. – Ты понимаешь, что врать родителям – это...

– ...почти преступление, – закончил сын унылым голосом. – Ма, честно – я больше не буду...

– Сто раз слышали уже! Держать свое слово ты не умеешь, и это не по-мужски. Сегодня мы решим вопрос следующим образом – на тренировку ты не пойдешь. Все, тема закрыта! – отрезала я, заметив, что он собирается возразить.

Слава богу, Даниил вернулся, теперь мне будет проще выяснять отношения с сыном – этим в нашей семье всегда занимается именно он.

Еще на пороге я поняла, что муж дома – вот его ботинки, а вот и голос доносится из комнаты:

– ...нашла, за что переживать! Не плачь, я сказал – достану. Что значит – «дорого»? Нет такого понятия – деньги, когда речь о здоровье, и не смей мне больше говорить об этом! Будет тебе митоксантрон через неделю, самое большое.

Какое-то знакомое слово, где-то я слышала его уже... Даниил вышел из комнаты, убирая на ходу в карман мобильный:

– Привет. Я уезжаю, заскочил пообедать, буду поздно, – скороговоркой выдал он и начал одевать куртку.

– Даня, наш сын опять... – начала я, но он перебил, взяв меня за плечи и отодвигая в сторону от входной двери:

– Вечером, Ксюша, все вечером, хорошо? – и ушел.

Даниил.

Машка рыдала в трубку, и это было так непривычно, даже странно – она никогда не раскисала так при мне, да еще позвонив по телефону. Но повод был, чего уж там. Наша система здравоохранения такая интересная штука! Мало того, что дорогостоящее лекарство больной

должен искать сам, за свои кровные, поскольку инвалидность дают только после операции, так его еще и нет нигде, этого самого лекарства, пусть и за бешеные деньги! Три месяца, это же надо! А применять нужно сейчас, потому что через три месяца может быть уже и поздно... Придется просить дядю Мишу, пусть поможет.

Что ж так все навалилось-то вдруг, а? Не месяц, а крысиная беготня, сплошные скандалы, слезы, истерики...

Интересно, Оксанка слышала мой телефонный разговор или нет? И если слышала, то поняла, с кем говорю? Если честно, после вчерашнего разговора я думал, что на этом все у нас и закончится, ну, какая баба станет терпеть мужа, в открытую заявившего о любовнице? Неужели она настолько боится меня потерять, что согласна на все? Так не бывает. И потом, что означал этот демарш со сменой прически? Странно...

И вдруг ни к селу, ни к городу мне вспомнился обрывок разговора, услышанного как-то летом, пока протирал во дворе машину. На лавке у подъезда сидели две старухи, грелись на солнце и «мыли кости» всем соседям, как у них это и принято:

– ...а у Городницких-то в семье чего творится – ужас! – проговорила, работая спицами, Наталья Ивановна, наша соседка по площадке. – Как Лариса померла, так и пошло...

Лариса – моя мать, умершая от рака печени пятнадцать лет назад. Мы с отцом тогда остались одни, долго не могли прийти в себя, потрясенные таким внезапным уходом мамы, еще совсем молодой, красивой и, как нам казалось, полной сил. Она никогда не жаловалась на здоровье, всегда улыбалась... А потом вдруг слегла и больше не поднялась...

А Наталья Ивановна, меж тем, продолжала:

– ...Вовка-то с невесткой, с Оксанкой, живет, и пацан у нее вовсе не от Даниила! Вы приглядитесь повнимательнее – он же копия Вовка, ничего Данькиного нет!

– Ох, бесстыжие! – запричитала толстая, горластая баба Сима из второго подъезда. – Это ж надо! При живом-то сыне!

– И не говори, Николаевна! Да Даниилка-то и сам хорош – на днях на рынок пошла, а он по рядам ходит с какой-то девкой...

Верно, было такое – это мы с Машкой за яблоками заехали, она ест только венгерские, красные, с толстой кожурой, и только на нашем рынке есть продавец с такими. Значит, меня рассекретили. Слушать эту чушь дальше мне стало неинтересно и противно, я вышел из-за машины, и бабки мигом захлопнули рты, но я виду не подал, что слышал их болтовню и пошел домой.

Сейчас я почему-то вдруг вспомнил об этом. Надо же – и отца в покое не оставят, старые калоши! Да ему монумент из золота надо отлить за то, что он так и не привел в дом никого, хотя еще молодой и здоровый мужик. И все его походы налево моментально закончились со смертью мамы. Я как-то спросил его, почему он не женился, ведь я тогда уже был взрослым, поступал в институт и жил своей жизнью. Ответ меня не то чтобы поразил, но заставил взглянуть на отца по-другому:

– Сынок, женщин может быть сколько угодно, а жена – одна. Был только один человек, с кем бы я хотел встретить старость – это твоя мама. А жениться второй раз... зачем? С молодой нужно детей заводить, а я этого не хочу. А с ровесницей... у нее уже свои дети, а если нет – характер испорченный. Нет, в наш дом я уже никого не приведу.

Я знал, что у него есть подруга, с которой он встречается много лет, вместе ездит отдыхать, иногда остается ночевать, но в дом он ее не приводил никогда и со мной не знакомил. Когда я женился на Оксанке, у меня даже вопрос не возник о том, чтобы просить отца поменять квартиру – это был наш с ним дом, дом, где жила наша мама.

...Уговорить дядьку помочь оказалось делом трехсекундным. Узнав, что Машка не может найти препарат, он сделал только один телефонный звонок. Один звонок – и я держу в руках листочек с координатами человека, который отдаст мне митоксантрон сегодня же вечером,

причем без аптечной накрутки. Вот так... А если бы не было дядьки с его возможностями и связями?

Я вышел из больницы, сел в машину и набрал Машкин номер. Трубку долго не брали, я уже начал волноваться, но вот раздался ее голос:

– Да, Даниил, я тебя слушаю.

– Ты что так долго?

– На кухне была, чайник кипел, звонок не слышала.

– Ну, как ты?

– Как всегда. Слабость только, голова кружится все время, – пожаловалась она.

– Можешь успокоиться и расслабиться, сегодня вечером я тебе привезу твой митоксантрон, – сообщил я, и она обрадовалась так, словно я пообещал ей не лекарство, которое слегка снимет симптомы, а полное выздоровление. Если бы это зависело от меня...

– Даня, спасибо! Ты не представляешь...

– Так, прекрати! – перебил я поток благодарности. – Это единственное, чем я могу помочь тебе. Так вечером я заеду?

– Да-да, конечно, – заторопилась она. – Я буду тебя ждать.

Это были волшебные слова – мне всегда хотелось, чтобы Машка ждала меня, чтобы выбежала радостно в коридор, едва заслышав звук поворачивающегося в замке ключа. Именно ее я хотел видеть, просыпаясь по утрам... Что мы наделали с тобой, Машка?

Маша.

Ну, слава Богу, выдохнула я, положив трубку. Слава Богу, что есть Данька, который смог помочь, иначе я нигде не достала бы лекарство так быстро. Теперь я хотя бы смогу избавиться от постоянной тошноты и слабости, заставляющей меня все чаще укладываться днем на диван. Послезавтра возвращаются Юлька и Артем, и мне нужно привести в порядок квартиру, приготовить им что-нибудь вкусенькое, потому что они явно соскучились по моему борщу и пирожкам с капустой.

До самого вечера я занималась домашними делами, сумев отключиться от своих мыслей, и очнулась только от звонка во входную дверь. Это оказался Даниил, с порога сунувший мне в руки фирменный аптечный пакет с тремя упаковками ампул:

– Держи. И больше не плачь по пустякам, обещаешь?

– Даня... – начала я, но он поцеловал меня, заставляя замолчать, а потом произнес, ласково глядя мне в глаза:

– Машуля, не надо ничего говорить. Мне не нужна твоя благодарность – мне нужна ты. Любая. Понимаешь?

Я кивнула, закусив губу, чтобы не расплакаться от нахлынувшего на меня чувства. Потом молча стала расстегивать Данькину куртку, и он подчинился, предупредив виновато:

– Машуль, я ненадолго. Там у Макса что-то в школе...

– Да-да, я понимаю. Но ты хоть чаю попей со мной, я так устала одна все время быть.

Мы пили чай и смотрели друг на друга, как школьники, впервые оказавшиеся вдвоем в пустой квартире. Потом Данька спросил:

– Твои когда приезжают?

– Послезавтра. Я так соскучилась, ты не представляешь. Юлька, наверное, черная придет, и волосы опять выгорят, будут, как меллированные, – я улыбнулась, вспомнив, как всегда после летних каникул моей дочери не давали прохода вопросом о том, зачем мама ей волосы покрасила.

– Красивая девчонка растет, – проговорил Даниил, глядя на меня с легкой улыбкой. – Знаешь, Машуля, она на тебя похожа...

– Совсем не похожа, – заспорила я. – Ты ж Артема видел – они просто одно лицо, а меня словно и рядом не стояло!

– Ну, не знаю, мне она тебя напоминает, только волосы у нее светлые совсем. А ты, когда мы познакомились, была рыжая, – снова улыбнулся он, протянув руку и взъерошив мою рваную челку. – И не красилась совсем, только помадой немного.

Я закрыла глаза, прислушиваясь к движениям его руки на моих волосах, к ставшему частым дыханию, почувствовала, как он тянется ко мне через стол и касается губами моих губ.

– Даня... не надо...

– Я только поцелую тебя, и все, – прошептал он, беря меня за руку и вытаскивая из-за стола, чтобы усадить к себе на колени. – Машка... прогони меня, иначе я никуда сам не уйду, так здесь и останусь насовсем, – попросил он, прижавшись головой к моему плечу.

– Не выдумывай, Данька, ты прекрасно понимаешь, что это невозможно.

– Да, – вздохнул он, соглашаясь. – Невозможно.

Юлька и Артем вернулись рано утром, но я успела встать и к их приезду испечь пирожки, накрыть на стол и привести себя в относительно божеский вид. Дочь с визгом повисла у меня на шее, прилипла всем телом:

– Мамуся! Как же я соскучилась по тебе!

– Я тоже, заяц, – я села вместе с ней на диван, чуть отстранив ее и разглядывая покрытую загаром мордашку. – Ты как негритенок стала, совсем черная!

– Ой, мама, как же на море здорово! – захлеб рассказывала дочь, спеша поделиться впечатлениями и эмоциями. – Я столько ракушек собрала – ужас! Прямо мешок! Сейчас покажу!

– Юляша, может, сначала завтрак, вы ж с самолета?

– Нет, сначала ванну, потом завтрак и спа-ать! – зевнула она, открывая свою сумку и доставая из нее всякую всячину.

Артем молча сидел в кресле и, казалось, не замечал того, что происходит в комнате – мыслями он был где-то совсем в другом месте. Кроме «здравствуй», он не произнес ни слова, и я не знала, как мне вести себя.

Набрав Юльке ванну и посидев с дочерью несколько минут, я пошла на кухню. Артем курил, стоя у окна. На плиту из джезвы выливался кофе, но муж этого не замечал, продолжая думать о чем-то. Я сняла почти пустую емкость, вытерла конфорку и стала варить кофе заново. Затувшив сигарету, Артем, наконец, повернулся ко мне:

– Ну, что, давай поговорим.

– Давай, – я удивленно посмотрела на него – что-то в тоне показалось странным.

– Ты сядь, пожалуйста, я не могу разговаривать, когда ты мечешься туда-сюда.

Я опустила на стул, не понимая, о чем именно он собрался говорить со мной через полчаса после двухнедельного отсутствия. Артем закурил новую сигарету, глядя прямо перед собой, потом поднял глаза на меня и начал:

– Маша, так больше продолжаться не может. Я устал жить в этом, понимаешь? И я уйду. Только не перебивай меня, иначе я уже не смогу все сказать, что хотел, и мы опять будем тянуть эту резину, ненавидя друг друга. Так будет лучше для всех – для тебя, для Юльки и для меня. Я уйду, потому что не могу больше жить с тобой, с твоей надуманной болячкой, с которой ты носишься уже долгое время. Я устал от твоих слез, от твоего страдальческого вида, я чувствую себя виноватым в чем-то. Поэтому лучше будет, если мы перестанем жить вместе. Юльку я не брошу, буду оплачивать все по-прежнему. Если что, можешь звонить, я буду приезжать.

Высказавшись, Артем встал, сунул в карман ключи от машины, мятую пачку сигарет и вышел в прихожую, даже не потрудившись взглянуть на меня. Через пару минут хлопнула входная дверь. Все. Десять лет совместной жизни перечеркнули несколько фраз и бронированная дверь.

Не соображая, что делаю, я встала, достала аптечку и нашла упаковку димедрола. Нет, я не собиралась травиться таблетками, даже в мыслях не было – я просто посплю, и все пройдет, во сне всегда все проходит...

Я не заметила, что машинально выдавливаю одну таблетку за другой и глотаю их, даже не запивая. Еще какое-то время спать не хотелось, я слышала, как плещется в ванной Юлька, что-то напевая, как по телевизору идет очередная «мыльная опера» с Хуанами и Верониками... Потом глаза начали слипаться, я прилегла на диван, накрывшись пледом. И только когда ноги стали ледяными, а пальцы рук начало сводить судорогой, до меня дошел смысл происходящего со мной. Кое-как встав, я побрела, шатаясь, в ванную, постучала.

– Я уже вышла, мамуся, – сообщила Юлька, открывая дверь и в полотенце направляясь в свою комнату. – Пойду, посплю, потом поболтаем, да? – она чмокнула меня в щеку и закрыла за собой детскую.

Я уже не понимала, зачем зашла в ванную, тупо посмотрела в зеркало, но, кажется, даже не увидела собственного отражения. Держась за стену, добрела до дивана и упала на него, стараясь не закрывать глаза. Какой-то внутренний голос твердил мне, что нельзя закрывать их, иначе – конец. Единственная мысль долбила в голове: «Нельзя, потому что Юлька, проснувшись, напугается до смерти... я не могу напугать ее... не могу...». Но глаза закрывались сами собой, я уже не в состоянии была сопротивляться, но остатки сознания все же держали меня на этом свете. Нашарив лежащую рядом телефонную трубку, я набрала номер Даниила.

– Да, Машуль, привет! – раздался его обрадованный голос.

– Даня... я умираю... – прошептала я, собравшись с силами.

– Ты что несешь?! – заорал он. – Что случилось?!

– Я... я, кажется... димедрола... перебрала... – язык заплетался, мешая четко выговаривать слова, но Даниил, к счастью, все понял и спросил:

– Ты дома одна? Маша, не молчи – ты одна дома?

– Юлька... спит...

– Машка, вставай немедленно, пей воду, сколько сможешь, литра три, и дверь открой, я сейчас приду! Только не ложись, Машка, слышишь? Пей воду и жди меня! – и он бросил трубку.

Я с трудом заставила себя встать и пойти в коридор, поставить входную дверь на предохранитель. Потом, взяв на кухне бутылку с минералкой, начала пить ее, обливаясь. Пальцы по-прежнему сводило судорогой, глаза закрывались, но я старалась держаться. В окно я увидела, как бежит к подъезду Даниил в хирургическом костюме и накинутой сверху куртке. Буквально через пару минут он влетел в квартиру, схватил меня за плечи и развернул к себе:

– Зачем?! Зачем ты сделала это, дуреха?!

– Я... не хотела... – лепетала я, мотаясь в его руках, как тряпка.

– Ладно, потом разберемся.

Уложив меня на диван, он достал из кармана две упаковки со шприцами, какие-то ампулы и жгут. Я боролась с навалившимся сном, как могла, старалась сосредоточиться на том, что делает Даниил, но это удавалось мне все меньше. Вдруг подкатила тошнота, я почувствовала, что сейчас меня просто наизнанку вывернет, попыталась встать, и Даниил, заметив мои телодвижения, подхватил на руки и понес в ванную. Стало заметно легче, Данька заставил меня выпить еще почти два литра воды, сделал два укола в вену и сел рядом на диване, укоризненно глядя в мое побледневшее лицо.

– Господи, как ты меня напугала! – проговорил он дрогнувшим голосом. – Машуля, ну, нельзя же так! Что произошло?

Я молчала, не в силах произнести ни слова. Сказать, что от меня ушел муж, я не могла, я и сама в это до конца еще не верила.

– Ну, молчи, потом разберемся, – повторил Даниил фразу, сказанную совсем недавно. – Тебе лучше? – он погладил меня по щеке, потрогал влажный, холодный лоб, и я кивнула. – Ну, вот и хорошо. Ох, Машка-Машка! – покачав головой, он вздохнул.

– Даня... – пробормотала я, – спасибо... ты иди, вдруг Юлька встанет... как я ей объясню?

– Так и объяснишь – врач пришел, плохо тебе стало. Я посижу немного, подожду.

– Мне лучше...

– Это хорошо, но я все же посижу.

Он пробыл рядом со мной почти час, его мобильный надрывался, вибрируя в кармане рубы, но Даниил не обращал внимания, держал меня за руку и все смотрел, смотрел...

Мне, действительно, стало лучше, сознание немного путалось, но спать больше не тянуло. Зато стала мучить совесть – как я могла так безответственно поступить по отношению к собственной дочери? Почему я не подумала о ней, прежде чем полезть в аптечку? Какая дура...

Даниил собрался уходить, попросив непременно позвонить ему вечером:

– Я дежурю, мне будет спокойнее, если услышу тебя.

– Хорошо, я позвоню...

Сказав это, я впервые осознала, что сегодня мне не придется для этого идти на улицу...

Даниил.

Услышав в трубке Машкин голос, я едва со стула не упал – до того ужасно звучало то, что она сказала. Я думал только об одном, хватая с вешалки куртку и выскакивая из ординаторской на глазах изумленно замолчавших коллег – хорошо, что рядом, через дорогу, значит, успею, успею... Перемахивая через две ступеньки, я добежал до ее квартиры, рванул дверь – Машка стояла на кухне, держась за подоконник обеими руками, бледная, как смерть. Мне показалось, что она меня не узнала в первый момент. У меня сердце вдруг сжалось, до того она была потерянная и несчастная. Что же случилось, чтобы Машка моя вдруг решила на такое безумие? С Юлькой что-то? Так нет – сказала ведь, что дома и спит, значит, все нормально. И где ее муж? Неужели с самолета сразу на работу поехал? Две недели дома не был, между прочим, жена болеет, мог бы и остаться. Господи, какая чушь в голову лезет – надо быстрее с Машкой что-то делать, пока не все лекарство еще в кровь всосалось...

...Спустя час Машке полегчало, она больше не закатывала глаза, дышала спокойно, руки немного согрелись. Я смотрел на нее, лежащую передо мной на диване, и никак не мог угадать причину, заставившую ее сделать это. Но спрашивать не стал, да и бесполезно это сейчас – все равно не скажет. Мне постоянно звонили, телефон надрывался, но мне не было дела ни до кого, я беспокоился только о Машке, только о ней. Убедившись, что она уже более или менее в порядке, я собрался уходить.

– Позвони мне, если будет возможность. Мне будет спокойнее знать, что у тебя все в порядке.

И от меня не укрылось странное выражение ее лица и какая-то растерянная улыбка, мелькнувшая и тут же спрятавшаяся в уголках губ.

...Вечером она позвонила, разговаривала спокойно и как-то отстраненно, словно автоматически, думая о чем-то другом. Меня это, признаться, насторожило немного, но я отнес это на счет действия димедрола. Когда я спросил, увидимся ли мы завтра, Машка как-то неопределенно пробормотала «может быть... еще не знаю... Юльке в школу», и я опять почувствовал что-то не то в ее тоне. Ничего, поспит, оклемается, и все войдет в норму – она ведь и сама испугалась того, что чуть было не произошло с ней, так что нет ничего удивительного ни в тоне, ни в голосе. Я успокоил себя этим и завалился на диван в ординаторской, решив подремать часик – поступления не было, к счастью.

Утром, вернувшись с работы, я столкнулся на пороге квартиры с Оксанкой – она держала в руках пакет с мусором. Я молча забрал у нее этот куль и побрел вниз, к мусорным бакам. И отчего-то вдруг собственная жизнь представилась мне таким же мусорным мешком – я выбрасываю ее, неизвестно зачем и куда, живу с нелюбимой уже женщиной, страдаю сам и заставляю страдать ее. И сын... и Машка... и как выпутаться? Я бросил мешок в ящик и заметил оборванного, грязного бомжа, роющегося в соседнем контейнере. Я не испытывал к ним какого-то отвращения – в больнице ко всему привыкаешь – но вот этого конкретного мне почему-то стало жалко, и, порывшись в кармане, я вынул полтинник, протянул ему:

– Держи, поесть купишь.

Бомж забормотал что-то о благословении, а я подумал: «Машку мою пусть благословит твой бог, ей это нужнее».

Оксана.

Что-то странное творилось с Даниилом в последнее время – я смотрела на него и не узнавала. Он постоянно о чем-то думал, улетаая мыслями далеко от нас с Максимом, часто замирал, сидя за столом и уставившись на висящий на стене календарь, словно искал там какую-то важную дату. Если я задавала вопрос, то его приходилось повторять дважды, потому что Даниил меня почти не слышал. Он не уходил из дома вечерами, проводил время с сыном, помогал ему с уроками, делал даже кое-что по хозяйству, ну, в пределах того, что руки позволяли, конечно. Руки у хирурга – фетиш, к ним относятся трепетно и бережно, чтобы не было порезов, мозолей, царапин. Даниил готовил ужин, встречал меня с работы накрытым столом, но я все равно чувствовала, что он не со мной, не с нами, а где-то там, со своей Машкой. И именно о ней он думает постоянно.

У меня внутри рос огромный ком противоречий, мешающий дышать нормально, я не хотела потерять мужа, но и делить его с кем-то тоже не хотела. Меня распирало от желания узнать, кто же она, эта загадочная Маша, из-за которой мой Даниил стал таким. От переживаний я даже похудела на три килограмма, что привело меня в восторг – все-таки это почти на размер меньше, чем прежде. Мы почти не общались с мужем, так – привет, пока, как дела, как сын – обычные супружеские вопросы.

Свекор уехал в отпуск в Турцию, и дома вообще стало тихо – так хоть он создавал какую-то суету, возясь с Максимом, а теперь и этого не было. Меня ноги не несли в этот дом, наполнившийся вдруг невыносимой тишиной, я не могла видеть страдальческое выражение, застывавшее на лице Даниила по вечерам, то, как он смотрит на постоянно лежащий рядом с ним мобильный, словно ждет и не может дожидаться звонка. Никто не звонил, и от этого Данька делался еще мрачнее. Я уже не знала, кого мне сейчас жаль больше – себя или его...

Артем.

Я стоял у подъезда собственного дома с огромной спортивной сумкой на плече и курил, прячась от пронизывающего насквозь ветра. После турецкой жары родная сибирская погода не радовала. Куда я иду, зачем? За каким... я вообще все это устроил? Найти ответы на эти вопросы оказалось значительно сложнее, чем заявить Марье: «Я ухожу!». Она, наверное, решила, что ухожу к другой. Какая, на фиг, другая – нет и не было у меня никого, кроме нее, за все десять с небольшим лет брака. Когда же все рухнуло, когда покатила под откос наша, казалось, счастливая и налаженная семейная жизнь? Уж не тогда ли, не в тот злополучный Новый год?

Тридцать первого мы поссорились. И виноват был исключительно я, тут скрывать нечего – накануне поехал в сауну с коллегами, ну и... Вернулся домой в шесть утра, Марья была на нервах, плакала и орала, что, мол, можно было позвонить и сказать, где и с кем. Права, конечно – что стоило набрать номер, ведь я прекрасно знаю ее натуру – воображение богатое, такие кар-

тины в голове рисует, ахнешь! Да и работает в больнице, а там такого насмотришься – не дай, Бог! Но, как всегда, сначала пиво, потом «беленькая», пошло-поехало, и я забыл совершенно, что не предупредил жену. В тот момент, когда она начала кричать, мне бы просто заткнуться, выслушать, а потом обнять и извиниться – и все, «инцидент исперчен», как говорится, но я был еще пьян, а потому молчать не стал, ну и...

В Новогоднюю ночь Марья легла спать рано, около двух, наверное – на завтра дежурила сутки. В гости мы не ходим, предпочитаем тридцать первое декабря проводить в семейном кругу, а уж на завтра зовем к себе кого-то или сами едем – традиция в нашей семье такая.

Мы почти не разговаривали, молча встретили бой Курантов, выпили по бокалу шампанского и уставились в экран «ящика». Юлька, бедняжка, не могла понять, на чью сторону встать ей – и отца жалко, и мать. Разумеется, ее выбор пал на Марью – они вообще хорошо ладят, секреты у них какие-то. Потом Марья, зевнув, ушла в спальню, Юлька еще немного посидела со мной, но и пятилетний ребенок тоже долго не выдержал, задремав прямо в кресле. Вот такой веселый праздник выдался.

Утром Марья тихо встала, собралась и ушла на работу. Ее сотовый я обнаружил на тумбочке у кровати, проснувшись часов около десяти – значит, разлилась, специально оставила, чтобы я не звонил. Обычно мы с ней созванивались по нескольку раз за ее дежурство, просто чтобы узнать, как дела, как Юлька. Но сегодня Мария моя встала в позу. «Ладно, как хочешь», подумал я, вставая и выходя в зал, где уже сидела перед телевизором дочь.

– Привет, красатуля, – я потрепал ее по белокурым волосенкам, взлохмаченным после сна, и она, задрвав голову, улыбнулась. – Ты поела?

– Не-а! – зевнула Юлька. – Тут про Буратино показывают...

Этого носатого уродца я ненавижу уже года два, с того самого момента, как Юльке подали кассету со старым детским фильмом. Она смотрела его по пять раз на дню, знала наизусть все фразы, все песни, и все равно каждый выходной начинался одинаково – просмотром приключений этого полена. Да еще и на танцах они работают под диск, где песни из фильма стилизованы и обработаны специально под самбу, ча-ча-ча и джайв. Словом, у нас был еще один член семьи – деревянный носатый «сынок».

Пока дочь досматривала кино, я приготовил завтрак, сварил кофе, выкурил свою традиционную утреннюю сигарету. Потом позвонила теща, пригласила к себе, и Юлька радостно запрыгала.

– А вы можете Юлю у нас оставить и поехать куда-нибудь, – подытожила свое предложение теща.

– Маша работает, а один я куда поеду? У вас посижу, и домой, на диван.

Мы с тестем выпили немного, я вообще после удачной вечеринки отхожу неделю и пить не могу, но праздник ведь, да и обижать не хотелось – теща стол накрыла, ждали. Юлька осталась, а я пошел домой, но уже на улице вдруг повернул к больнице, собираясь позвонить Марье снизу, из приемного, и попросить прощения. Ей и так сегодня не повезло – первого января дежурить тяжелее даже, чем накануне, ни праздника нормального, ничего, одни пьяные битые морды. Но на посту в Марьином отделении трубку не брали, а телефон ординаторской я не помнил, и спросить было не у кого – все отмечали в регистратуре. Не судьба...

Выйдя из приемного, я поднял глаза и увидел, как в зашторенном окне ординаторской мелькают тени – значит, все там, и врачи, и сестры. Ладно, они ведь тоже люди, и им праздника хочется.

Из дома я несколько раз пытался дозвониться до ординаторской, но тщетно – трубку не брали. Я все ждал, что Марья, как обычно, не выдержит сама и позвонит, но не тут-то было. Капитально обиделась, видимо.

Вообще она была отходчивой, помолчит часок – и все, начинает разговаривать, рассказывать что-то. Мы очень редко ссорились, особенно в те первые пять лет, когда я играл в фут-

бол. Тут не было ничего удивительного, я дома бывал редко, за те дни, что мне полагались в виде выходных или отпуска, просто некогда было возникнуть каким-то противоречиям и обидам. Позже, когда с футболом пришлось расстаться, начались небольшие трения, но и это вполне объяснимо – мы заново привыкали друг к другу, учились жить вместе каждый день, и потому неизбежно возникало что-то. Но даже это не мешало нам. Я знаю, она считала, что мне стыдно сказать кому-то, где она работает и кем, но это ерунда – мне было ее просто жалко, не ночует дома, вкалывает за копейки. Хотя, надо признать, в определенный момент эти копейки кормили нас троих.

Когда Марья вернулась утром с работы, я сразу почувствовал что-то неладное. Не знаю, как, но почувствовал, что произошло что-то, изменилось и уже никогда все не будет так, как раньше. С этого злополучного дня она стала неумолимо отдаляться от меня, становиться чужой, холодной. Я бесился, глядя на произошедшие в жене перемены, старался уязвить ее побольнее, чтобы она хоть как-то отреагировала, но бесполезно – она поворачивалась и уходила, не возражая и не вступая в пререкания. Самое ужасное заключалось в том, что я стал срывать на Юльку, которую любил до одури, и бедная девчонка не могла понять причину моего изменившегося отношения к ней. В такие моменты я сам бывал противен себе, но остановиться уже не мог.

Кульминацией всего стала неожиданная встреча почти нос к носу с женой в супермаркете, где-то месяца через четыре... Да, в апреле, в конце – было совсем тепло... Она даже не заметила меня, шла рядом со здоровенным мужиком в длинном пижонском пальто и выглядела такой счастливой, что у меня сжалось сердце... Этот кобель поддерживал ее под локоть и смотрел, как на икону. В руках у Марьи был шикарный букет, она улыбалась, повернув к спутнику раскрасневшееся лицо. Я вдруг почему-то вспомнил, что уже года два не дарил ей цветов даже на день рождения и Восьмое марта... Вот, значит, что произошло – моя дорогая Машенька завела себе любовника! Тогда все ясно, все становится на свои места... Черт, ну и как теперь жить дальше?

Моим первым желанием в тот момент было подойти и врезать этому козлу по роже, чтобы не смотрел на мою жену с таким собственническим видом, но потом вдруг я подумал, что, возможно, ошибся и это просто кто-то из Марьиных знакомых. Но тогда к чему этот веник и счастливое выражение ее лица? Пока я размышлял над этим, скрывшись за колонной, чтобы они меня не видели, Марья со своим ухажером ушли. Момент был упущен, и я пошел по старому, проверенному мужскому пути – поехал к другу и напился, просто ввалился к нему в квартиру с бутылкой коньяка и заявил с порога:

– Андрюха, давай накатим!

Андрюха это дело уважал, а потому и не отказался.

Возвращаясь домой на такси глубокой ночью, я все думал, как вести себя, что говорить, что делать. И, главное, как вернуть жену? Я ни на секунду не задумался о том, что можно бросить Марью и уйти, можно даже Юльку забрать. Нет, на это я не пошел бы ни за что – она идеальная мать, ничего не скажешь, да и дома у нас всегда все хорошо, Марья обожает готовить, с удовольствием что-то изобретает, удивляя меня. И потом – столько лет терпеть стирку моей пропитанной потом грязной формы – это тоже не каждая смогла бы. Нет, я не могу уйти от нее, и дело даже не в комфорте, дело в другом – люблю я ее. Мой пьяный мозг отказывался воспринимать ситуацию, отказывался подсказывать выход или что-то еще в этом роде.

В окне кухни горел свет – значит, Марья не спит, ждет. Я никогда не понимал этой ее привычки дожидаться меня в любое время. Но жена ни разу за все время брака не легла спать до того, как я вернусь домой, сидела на кухне с чашкой чая и книжкой и ждала. И я всегда знал, что в любое время дня и ночи, если я возвращаюсь откуда-то, войдя в квартиру, обнаружу эту картину – моя жена за столом на кухне ждет меня. Внутри что-то дрогнуло, и закралось

сомнение – а не обозначился ли я сегодня? Может, и не Марья это была вовсе? Иначе как объяснить вот этот свет в кухонном окне?

Она открыла мне дверь, молча принюхалась, уловила запах «первака» и также молча ушла в спальню. Это тоже ценное качество – не устраивать разборки на пороге с выпившим человеком, а перетерпеть до утра и там уж... Я завалился в зале, включил телевизор, но ничего почти не увидел, сразу проваливаясь в сон.

Наутро возле дивана стоял пакет с соком и бутылка минералки. Ого! А ведь Марье на сутки сегодня, я это знал... Надо же, не поленилась, в ларек с утра пораньше сходила, знала, что весь день умирать буду. Я вообще отказывался теперь что-то понимать – не вязалось это все с картиной, подсмотренной в супермаркете.

...Я лежал на диване и дремал, отходя от вчерашнего, когда вдруг раздалась трель мобильного. Не моего – Марьиного. Забыла, видимо, прособиралась и забыла телефон на полке у зеркала. Проклятый звонок мешал, пришлось встать и ответить:

– Да!

В трубке молчали.

– Ну, говорите, что хотели! – рявкнул я, страдая от головной боли, но невидимый абонент передумал и отключился.

Я машинально зашел в меню «Принятые вызовы», как делал всегда со своим телефоном, и увидел только одну букву – «Д». Больше ничего. Обычно Марья писала реквизиты целиком, да еще картинку добавляла какую-нибудь, а тут – ничего, только это вызывающее «Д». Головная боль улетучилась, я вернулся на диван и принялся внимательно изучать записи в мобильном телефоне жены, чего прежде не делал никогда. Стоп! А ведь она никогда и не расстается с ним, никогда не выпускает из рук, и вот сегодня просто забыла... Ничего нового, кроме вот этого самого «Д», я больше не нашел, ни одного неизвестного мне имени. Набрал номер, я услышал чуть хриловатый мужской голос:

– Да, Машуля! Ты где?

Я чуть было не ответил в рифму, но сдержался, бросил трубку.

Буквально через час вдруг появилась Марья в медицинском синем костюме и накинутом поверх него пальто, влетела в квартиру, заметалась по коридору. Я вышел из зала и протянул ей телефон:

– Это ищешь?

Она вздрогнула так, словно я ударил ее, кивнула, опустив глаза:

– А я испугалась, думала – потеряла или на работе кто вытащил... у нас часто из персонала вещи пропадают... – пробормотала она, пряча трубку в карман. – Ты как? Полегче?

– И не спросишь, где был? – насмешливо поинтересовался я. – Может, по бабам шлялся, а?

– Успехов в твоём нелегком деле, – пожала плечами Марья, уже совершенно взяв себя в руки.

– Что – даже не приревновала бы? – продолжал напирать я, не понимая, чего хочу добиться этим разговором.

– У меня нет комплекса неполноценности.

– Ну, еще бы! А ты чего явилась-то?

Марья удивленно вздернула брови – если была возможность, она всегда старалась прибежать домой хоть на пятнадцать минут, чтобы проведать нас с Юлькой. Но сегодня дочь была у бабушки, они собирались в театр, и ночевать Юлька тоже оставалась там. Не думаю, что приход жены означал страстное желание увидеть меня, скорее, ей должны были позвонить в определенное время и, когда звонка не последовало, Марья хватилась мобильного.

– Я что, не могу домой зайти за бутербродом?

– А утром что, некогда было? – съязвил я неизвестно, зачем.

– Ну, извини, не хотела мешать.

Она повернулась, чтобы уйти, но я задержал, поймав за рукав пальто:

– Бутерброд забыла.

– Что? – не сразу поняла Марья. – Какой бутерброд?

– За которым пришла.

– А...

Она как-то растерянно посмотрела на меня, но послушно стянула сапоги и пошла в кухню, зашуршала пакетами, хлопнула дверкой холодильника. Завернув приготовленный бутерброд в пакет, она вышла и посмотрела на меня:

– С тобой правда все нормально?

– Со мной – правда, – подтвердил я. – А с тобой?

– Не поняла...

– Ну, и ладно, – вздохнул я, поворачивая ее лицом к двери. – Иди, тебя ждут, наверное.

...Почему я вспомнил все это именно сейчас, выйдя из собственного дома в никуда, оставив там, за дверью, любимую дочь и жену – не знаю...

Рядом остановилось такси, и я машинально сел, назвав водителю адрес Андрюхи – больше ехать мне было некуда. В машине работала печка, и я, продрогший на ветру, понемногу стал согреваться, вновь погружаясь в свои мысли.

...Потом много еще чего произошло. Я превратился в какое-то чудовище, в этакую Салтычиху в брюках – придирался и к Марье, и к Юльке, возвращаясь домой, орал за каждую невымытую тарелку, за каждую оплошность. Дочь уже просто боялась, я ведь видел – но остановиться уже не мог. Обида на Марью переполняла меня, не давала спать ночами. Я постоянно представлял себе, что она тайком от меня встречается с этим кобелем, готовым сожрать ее, позволяет ему целовать себя и не только... Казалось бы, чего проще – спроси напрямую, выясни все, сделай что-нибудь, ты ведь мужик! Но я боялся услышать от Марьи фразу, что она больше не любит меня, что уходит...

И вдруг ошеломляющая новость – она больна, больна серьезно. Я, признаться, давно заметил, что с Марьей что-то происходит, но не придавал этому значения. И потом, у меня было подозрение, что она просто-напросто беременна от своего красавчика, и теперь не знает, как выпутаться. Оказалось, что все значительно сложнее...

Я отказывался верить в ее слова о диагнозе, в моей голове никак не укладывались рядом эти два понятия – моя Марья и рак... Я пытался внушить ей, что она просто заиклилась на легком недомогании, называл ее состояние симуляцией...

Она постоянно плакала, постоянно ходила с красными глазами, плечи ссутулились, выражение лица стало каким-то страдальческим и жалким. Я не мог выносить ее взгляда, не мог видеть как-то очень быстро похудевшей фигуры, ставших почти прозрачными рук. Возможно, я был неправ, жесток, но это почему-то казалось мне единственным выходом из ситуации. Я думал, что если Марья вдруг возненавидит меня за мои придирки и равнодушие, то у нее появятся силы бороться со своей болезнью. Ведь так бывает – ненависть порой лечит. Но моя жена оказалась совершенно другим человеком – поняв, что мне безразлично ее состояние, она замкнулась и больше не заговаривала об этом. Я знал, что она лечится у своего знакомого врача, что он помогает ей доставать дорогие лекарства. Это все мне рассказала Ирка, Марьяина подруга. Она приехала как-то ко мне в офис, ворвалась, как фурия, и разоралась прямо с порога:

– Смирнов, ты придурок! Ты неужели не понимаешь, что Машка серьезно больна?!

– Стоп, тормози! – перебил я, хватая ее довольно бесцеремонно за плечи и толкая в кресло. – Ты что орешь? Здесь не базар, а приличное учреждение.

Ирка вроде успокоилась немного, вытатила сигареты и вопросительно посмотрела на меня. Терпеть не могу эти псевдосветские замашки – можно подумать, в родном поселке Зао-

вражном Ирка только и делала, что общалась с лордами, подносящими зажигалку к кончику ее сигареты! Да ладно... Закурив, Ирка закинула одну полную ногу на другую и уставилась на меня.

– Удивляюсь я тебе, Смирнов! Неужели ты совсем слепой и глухой? Ты видишь, что с твоей женой происходит?

– Если воспитывать меня приехала, то зря, – спокойно ответил я, возвращаясь за свой стол и включая компьютер, на заставке монитора которого красовалась Марья в обнимку с Юлькой. Марья – такая еще здоровая, молодая... Они были сняты на каком-то конкурсе – у Юльки на шее золотая медаль, и мордашка дочери так и светится от счастья. И в этот момент, когда я рассматривал эту фотографию, до меня вдруг и дошло, что если с Марьей случится что-то, мы с Юлькой останемся совсем одни... Совсем одни...

Ирка молчала, пускала в потолок дым колечками и внимательно наблюдала за мной. Потом вздохнула, поднялась из кресла, затушила сигарету в пепельнице, стоявшей прямо передо мной, и полезла в сумочку. Достав оттуда какие-то ксерокопии, она шлепнула их на стол и сказала тихо:

– Прочитай. Если что-то будет непонятно, позвони – я объясню.

Хлопнула дверь, и от Ирки остался только приторный запах духов. Я тупо смотрел на лежащие передо мной бумаги и не решался развернуть их и прочесть.

Мне казалось, что в руках у меня подписанный Марье приговор, и, пока я не развернул и не прочел, ничего не случится, а стоит только взглянуть хоть одним глазком – и все, он вступит в силу, и ничего сделать уже будет нельзя.

Я настраивался долго, почти весь рабочий день, пока, наконец, не взял себя в руки и не углубился в чтение. Обилие медицинских слов выбивало из колеи, я ничего не понимал, а потому злился. Пришлось звонить Ирке и назначать ей встречу – не по телефону же обсуждать. Мы встретились в кафе, Ирка, естественно, опоздала почти на сорок минут – по ее первобытным представлениям, именно так и поступают «светские львицы», к коим она себя причисляла по непонятной мне причине.

– Ну, – нетерпеливо начала она, взглянув на крошечные золотые часики, – что у тебя? Я спешу.

– Чего приехала тогда так поздно? – не утерпел я, возмущенный подобным поведением – спешишь, так не опаздывай!

– Артем, я не ссориться приехала, а помочь тебе, поэтому давай поговорим без взаимных претензий. Ты прочитал?

– Да, но не понял ровно половины. Ты мне на нормальном русском объясни – это серьезно?

Ирка помолчала, закурила. Я начал терять терпение, вся затея уже казалась мне зряшной тратой времени.

– Артем, у нее рак груди. Надеюсь, о таком диагнозе ты слышал? – заговорила, наконец, Ирка, глядя на стол. – Так вот – твоя Машка категорически отказалась от операции, Лаврушин уговаривал, а она – наотрез. Знаешь, почему? Потому что боится остаться инвалидом, боится, что ты перестанешь любить ее как женщину.

– Что за чушь? – возмутился я, искренне не понимая, как Марья могла так обо мне подумать. – Если хочешь знать, твоя Машка сама... – и осекся, вдруг спохватившись – не хватало еще Ирку посвящать в мои обострившиеся отношения с женой. – Ну, это неважно. Я даже в мыслях не держал такого! В конце концов, здоровье...

– Ты не понимаешь! – перебила Ирка, внезапно сжав мою руку. – Для женщины нет ничего страшнее вот этого – изуродованное тело, которое она будет вынуждена прятать даже от мужа! Артем, ей очень тяжело сейчас, она отказывается даже со мной говорить на эту тему, но ведь ты муж, может, хотя бы тебе удастся убедить ее...

Не знаю, что я должен был говорить Марье... Любая моя попытка начать разговор заканчивалась в последнее время если не слезами, то просто молчанием. Интересно, а с хахалем своим она это обсуждает, вдруг абсолютно не к месту подумал я и разозлился на себя за эту мысль.

В тот же вечер я завел с Марьей разговор на эту тему, но все опять кончилось ничем, а вернее – взаимными упреками и тем, что она ушла спать в зал. Зато назавтра я, проезжая мимо больницы, увидел, как ее провожает этот хмырь в синей больничной робе – так он еще и врач у нас, оказывается! Общность интересов!

Забрав из школы Юльку, я вернулся домой пообедать – Марья стала накрывать на стол, побледнела вдруг, уронила тарелку и побежала в ванную. Я уже не относил это на счет беременности, прочитал аннотацию к препарату, который она принимала, и знал, что это просто один из побочных эффектов, такой же, как и выпадающие прядями волосы. Это последнее сводило Марью с ума, она плакала всякий раз после душа, снимая с расчески очередной клочок волос.

Но, несмотря на то, что мне было жаль ее до боли в сердце, простить измену я не мог. У меня в глазах стояла эта картина – моя жена со своим любовником. И тогда я придумал убойную, как мне казалось, вещь – договорился с девчонкой из соседнего офиса и попросил иногда звонить мне домой по вечерам. Мне почему-то пришло в голову, что Марья, приревновав меня, остановится сама, и все у нас пойдет по-прежнему. Оказалось, я плохо знал свою жену – она спокойно приносила мне трубку и уходила, не спрашивая ничего и не делая попыток выяснить отношения. Однажды я попытался сам вывести ее на разговор об этом, но она только пожала плечами и опять отмолчалась. И вот теперь, вернувшись из Турции, я решил попробовать снова вызвать у нее хоть какую-то реакцию, дать ей возможность переключиться с мысли о болезни на мысль о моей измене. Со стороны это, разумеется, выглядело свинством и мерзостью, но я уже не видел выхода, не знал, как мне заставить Марью одуматься и вернуться в семью...

Оксана.

Вес уменьшался... Я отчетливо замечала, как становятся широки в поясе юбки, как стало висеть на бедрах натягивавшееся раньше до треска по швам пальто. На работе коллеги отметили этот факт моментально, а начальница так впрямую спросила:

– Что, Оксаночка, решила внешностью заняться? Ну, и правильно, ты ведь молоденькая еще, муж-красавчик, того и гляди – сбежит!

Я уперла кулаки в бока и поинтересовалась, что она думает по поводу своего мужа, который при всей ее худобе рванул от нее год назад со скоростью электрички, и она смешалась, вынула платочек, картинно поднесла к глазам, давая понять, что я, молодая нахалка, вторглась в ее израненную душу. Да мне-то что – не встречай с советами, особенно когда никто этого не просит. Упоминание о Данииле испортило настроение на весь день, мне начало вдруг казаться, что о его измене знает вся наша кондитерская. Хотя все возможно – если он, не стесняясь, среди бела дня привозит свою мадам на машине к школе, где учится сын, то почему бы им еще где-нибудь не появиться вместе? Да и бабки у подъезда смотрят в мою сторону как-то странно...

...Даниил оказался дома, стоял у окна в кухне и курил. Я вдруг так остро почувствовала, что не могу, просто не могу потерять его, что даже в носу защипало. Опустив сумки на пол, я подошла и обняла его сзади. Он вздрогнул, как от удара, повернулся:

– Ты чего?

– Ничего... соскучилась, – пробормотала я, опуская глаза.

Даниил мягко освободился от моих рук, снял с меня пальто. Я опустилась на табурет, почувствовав, как меня вдруг оставили силы, и внутри все опустело. Вернувшись из прихожей, Даниил включил чайник, сел напротив и опять задумался о чем-то. А мне вдруг в голову

пришла непонятно откуда взявшаяся мысль о той женщине в черном пальто, что я видела в аптеке. Интересно, привезут ли ей лекарство?

– Даня, а что такое митоксантрон? – спросила я, подвигая к себе заварной чайник.

Муж дернулся так, словно взялся за оголенный провод:

– Что?! Тебе зачем?

– Так... просто спросила. Знаешь, я тут в аптеке услышала, что он дорогой и редко бывает, хотела у тебя спросить, да все забывала.

– Выкинь глупости из головы, – неожиданно резко и грубо бросил Даниил, вставая из-за стола.

– Ты куда? А чай? – удивилась я, не понимая причины такого поведения.

– Не буду, – раздалось из прихожей, и через пару минут хлопнула входная дверь.

Я метнулась к окну, встав за штору так, чтобы Данька не увидел меня, но ему даже в голову не пришло оглянуться – он говорил по телефону, открывая машину. Значит, к ней рванул, обреченно подумала я, возвращаясь за стол и решительно двигая к себе вазу с печеньем. Какой смысл в сидении на диете, если это кроме тебя самой, никому не нужно?

Даниил.

Я просто взорвался, когда услышал из Оксанкиных уст слово «митоксантрон» – это связано с Машкой, и откуда моя жена узнала это название? Зря я, конечно, психанул и ушел, но в тот момент не смог сдержаться. Спускаясь по лестнице, позвонил Машке, но она не брала трубку, и я решил на свой страх и риск подъехать к ДК, где у Юльки шли занятия – наверняка Машка тоже там. Так и было – она сидела в коридоре одна, смотрела в щель в двери и, когда я тронул ее за плечо, вскрикнула от неожиданности.

– Т-с-с! – прижав к губам палец, прошипел я. – Ты чего так пугаешься?

– Господи, Данька, с ума сошел! – выдохнула она. – Нельзя так подкрадываться!

Я сел рядом на скамейку, взял ее руку в свою – она была холодная, и я стал осторожно согревать пальчики с бледным маникюром. Машка никогда не пользовалась ярким лаком, это осталось еще со времен работы в больнице. И меня потом во всех женщинах раздражала манера красить ногти ярко, особенно бесил кроваво-красный цвет лака.

– Как ты чувствуешь себя? Что-то бледненькая...

Она потрясла головой, словно отгоняя какое-то видение, но промолчала. Я видел, что с ней творится что-то неладное, никогда Машка не была такой странной, и мне не нравилось выражение ее лица.

– Машуля, что происходит с тобой? – мягко спросил я, пытаясь заглянуть ей в глаза.

И тут она заплакала... зарыдала навзрыд, уткнувшись лицом в мою куртку. Я растерялся, гладил ее вздрагивающие плечи и не знал, что сказать.

– Маша... Машенька, ну, успокойся... – бормотал я, и она, подняв на меня заплаканное лицо, проговорила:

– Даня... от меня ушел Артем...

– Не понял... – протянул я. – Как ушел, куда?

– Совсем... у него другая женщина...

Вот это был номер! Ничего себе... Этот сухарь Артем мог заинтересовать какую-то женщину? Я удивлялся, как Машка-то с ним живет столько лет, терпит его вечно недовольное выражение лица, а здесь, оказывается, еще кто-то появился!

– погоди, Машка, ты откуда знаешь это?

– Он сам сказал... он ушел сразу, как только вернулись из Турции, просто привел домой Юльку и ушел... – прорыдала Машка, вцепившись руками в мой свитер.

Мой мозг отказывался воспринимать эту информацию – как мог мужик поступить таким образом с больной женой и восьмилетней девчонкой? Что-то должно было произойти совсем грандиозное, что-то из ряда вон...

Машкины рыдания приводили меня в отчаяние, мне было нестерпимо жаль ее, худенькую, ставшую словно даже меньше ростом. Как она будет теперь жить одна, одна тянуть Юльку с ее вечными разъездами и танцами? Ей придется идти работать, ведь не будет же Артем содержать их обеих? Ну, понятно, ребенка он не бросит, а Машка? У нее одно лекарство стоит сорок тысяч на курс, а таких препаратов надо минимум два, а то и три.

– Машуля, – начал я, прижимая ее к себе и чувствуя, как вздрагивают под моими руками ее плечи, – Машуля, давай поговорим спокойно. Видишь, как все сложилось? И никто не виноват, просто так вышло... Я предлагаю тебе абсолютно серьезно – давай жить вместе. Тебе нельзя быть одной, кто-то постоянно должен быть рядом. Разреши мне помочь тебе, просто возьми и отпусти себя раз в жизни, подумай о себе, прислушайся к своим желаниям. Машка, ведь мы с тобой любим друг друга, ты же не станешь этого отрицать? И я не стану, потому что никого не любил так, как тебя. Я хочу быть с тобой, хочу заботиться о тебе...

– А как же Оксана и Максим? – прошептала она, слизывая с губ слезы. – Так нельзя, Даня... нельзя любить кого-то, жертвуя своими близкими... Ты не можешь поступить со своим сыном так, как Артем поступил с Юлькой... Я не прощу этого прежде всего себе... а мне и так уже достаточно вины по этой жизни. И наказания достаточно.

Сказав это, Машка встала и пошла вниз, в туалет, вернулась через пять минут умытая, без косметики, совсем бледная и больная.

– Маша...

– Прекратим этот никчемный разговор, – попросила она, погладив меня по щеке холодной рукой. – Я очень тебе благодарна, но больше никогда не заговаривай со мной об этом. И сейчас тебе тоже пора – через пять минут закончится занятие, я не хочу, чтобы Юлька увидела тебя.

Я тяжело поднялся со скамейки, поцеловал Машку в щеку и побрел вниз, к машине, чувствуя себя псом, которому любимый хозяин дал незаслуженную взбучку. Машка-Машка... Наверное, ты права.

Ночевать домой я не поехал, закатился к Сереге, там попал как раз к столу – дядька что-то отмечал, сидя в компании своих приятелей. Мне предложили присоединиться, но я отказался, сославшись на завтрашнее дежурство, рухнул на кровать в нашей с Машкой комнате и попытался уснуть, но это не удавалось. Она не согласилась на мое предложение... Но, возможно, это и правильно – уж слишком скоропалительно я сделал его. Машке бы теперь отойти немного от разрыва с мужем, как-то определиться в жизни, а тут я как снег на голову – трах-бах, давай-ка вместе жить! Нет, поспешил я с этим... Да и Макса мне никто не отдаст.

Маша.

Самым тяжелым было смотреть в глаза Юльке и объяснять, куда делся отец, используя старую, как мир, материнскую отговорку – мол, в командировку уехал, надолго. Это пятилетнего можно обмануть таким образом, а вот восьмилетнего – уже значительно труднее. Юлька замкнулась, перестала выходить из комнаты по вечерам, сидела у компьютера, гоняя по монитору бесконечных бабочек и рыбок, но мыслями была где-то далеко. Единственным местом, куда она по-прежнему шла с удовольствием, оставался клуб. Близился чемпионат среди детей ее возраста, они с Олегом много работали, стараясь изменить программу и сделать ее интереснее.

Я позвонила-таки Катьке Сорвиной, и та согласилась взять меня к себе в клинику, причем не медсестрой, как я надеялась, а администратором.

– Смысл тебе в операционной гробиться, когда мне нужен свой, надежный человек у стойки? – говорила Катька, позвонив мне как-то вечером по телефону. – Я на тебя в любой момент могу положиться, ведь знакомы столько лет! А то у меня работала одна фифа, ухитрялась еще себе в карман денег положить с клиентов! И потом, Машка, я ведь все прекрасно знаю о твоей болячке, – неожиданно призналась она, и мне почему-то стало не по себе, словно Катька узнала что-то глубоко личное. – Машуль, тебе нужна нормальная, необременительная работа, чтобы не напрягаться особо, ничего в голову не брать. Да и девчонка у тебя, ее контролировать надо, а как ты будешь это делать, стоя на операциях? А здесь – телефон под рукой, в любой момент позвонила.

В общем, Катька меня уговорила, и уже через неделю я впервые перешагнула порог ее частной клиники. Что ни говори, а вкус у Катьки был, да и чувство стиля присутствовало, об этом говорило в ее заведении все – и хорошо сделанный ремонт, и цвет стен, и белая кожаная мягкая мебель в просторном холле, и живые цветы, в изобилии расставленные и развешанные там и тут. Да и форма сотрудников, работающих с клиентами до врачей, тоже не напоминала медицинскую робу – юбки и жилетки мягкого персикового цвета.

Меня приняли хорошо, уже через пару дней мне показалось, что я давно здесь работаю, атмосфера была очень дружелюбная. Но клиенты...

У меня было подозрение, что процентов восемьдесят посещающих такие заведения не совсем адекватны, и теперь с каждым днем, с каждым клиентом я убеждалась в этом. Если за день приходил один человек с реальной проблемой, мешающей ему жить, то остальные восемьдесят просто не знали, чем бы таким себя развлечь. Хотя вряд ли стоило бы считать развлечением пластическую хирургию. Приходили молодые, симпатичные девочки с нелепыми просьбами сделать им «губы как у Маши Распутиной», «грудь как у Памелы Андерсон» и т. д. Мне приходилось аккуратненько направлять их сначала на консультацию к психологу Анне Михайловне, и, если той не удавалось убедить любительниц подражания в их неправоте, то тогда за дело брался Кирилл Андреевич – ведущий специалист в нашей клинике, или кто-то из хирургов рангом пониже.

Попасть к Кириллу считалось редкой удачей, он был не просто хирургом-пластиком, он был гением. Это даже не обсуждалось, этому не завидовали, потому что бесполезно завидовать человеку с Божьим даром. При всей своей «звездности» Кирилл ухитрялся оставаться приятным в общении и совсем не «воспарившим» над остальными смертными человеком. Нашим любимым занятием с ним стали утренние «пятиминутки», как называли это все остальные сотрудники клиники – Кирилл, войдя в дверь, цитировал какую-нибудь фразу из Владимира Вишневого, и я тут же подхватывала. Потом мы менялись, и так по несколько раз, веселя и себя, и окружающих.

Даниил постоянно звонил мне или приезжал за мной на работу, чтобы довезти до ДК, где целыми днями пропадала Юлька. Артем тоже позвонил как-то, узнал, не надо ли мне денег и очень удивился, услышав отрицательный ответ.

– Да? А что так?

– Я устроилась на работу, – стараясь говорить спокойно, ответила я.

– И много платят?

– Хватает.

В тот же вечер Юлька пришла домой с пятью тысячами в кармане, объяснив, что приезжал папа.

– Мам, я только не поняла – если он вернулся, то почему не домой поехал? – спросила она, орудуя ложкой в тарелке с борщом.

Я поняла, что тянуть дальше уже некуда, надо разговаривать. Сев на табуретку перед дочерью, я проговорила:

– Юляша, мы с папой больше не будем жить вместе.

Дочь уронила ложку в тарелку и посмотрела на меня глазами, мгновенно заблестевшими от слез. Она не произнесла ни слова, только таращила на меня свои глазищи, сделавшиеся прозрачными от влаги, и у меня сердце сжималось от этого взгляда. Не сказав ни слова, Юлька встала и ушла в свою комнату, заперев дверь изнутри на ключ, и, как я ни просила, так и не впустила меня к себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.